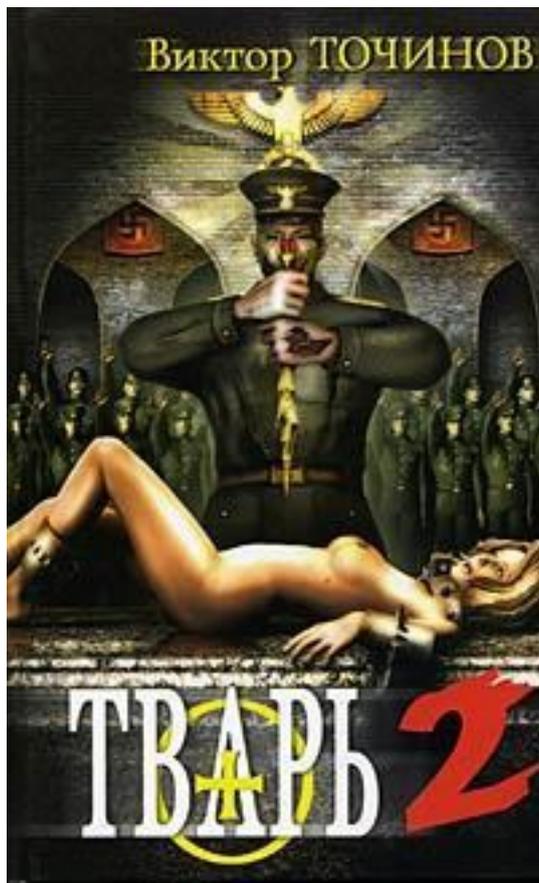

Виктор ТОЧИНОВ

ТВАРЬ 2

Тварь

Виктор Точинов

Сказки летучего мыша

«Точинов Виктор»

2003-2004

Точинов В. П.

Сказки летучего мыша / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
2003-2004 — (Тварь)

УЖАС, много лет таящийся в мирной Спасовке, продолжается. Погребенная в глубинах ТВАРЬ рвется на волю. Близкие люди оказываются вдруг врагами, а враги – не совсем людьми. Писатель Кравцов, негаданно ставший персонажем собственного романа ужасов, пытается поставить точку в чужой беспощадной игре. Но цена слишком велика – собственная смерть. И смерть тех, кто ему дорог... Смерть, после которой не исчезаешь, а становишься чем-то странным. Удастся ли преломить ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ? Удастся ли остаться ЧЕЛОВЕКОМ?

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	20
Глава 1	20
Предания старины – II	28
Глава 2	31
Предания старины – III	39
Глава 3	44
Предания старины – IV	52
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Виктор ТОЧИНОВ

Сказки летучего мыша

ПРОЛОГ

Предания старины – I.

Дибич. Май-июнь 1843 года

Многие, имевшие честь (иные – несчастье) свести личное знакомство с Леонтием Васильевичем Дубельтом, генерал-майором и начальником штаба Отдельного корпуса жандармов, – сравнивали его с Дон Кихотом.

Внешнее сходство действительно имелось: исхудалое лицо, оттененное длинными светлыми усами, глубокие морщины, избороздившие лоб и щеки, усталый умный взгляд...

Но Дибич хорошо знал своего начальника и был уверен: в бой с миражами, с ветряными мельницами тот никогда не вяжется. Недаром даже злейшие враги III Отделения признавали: Дубельт «умнее всего Третьего и всех отделений собственной канцелярии...»¹

Именно поэтому Дибич произнес слова, которые никогда не позволил бы себе произнести при предшественнике Леонтия Васильевича – при Мордвинове. Тот, безуспешно тшась восполнить усердием недостаток ума, тупо и не рассуждая давал ход самым нелепым жалобам и доносам. И, что греха таить, порой заведенные им анекдотичные «дела» порождали неуважительный смех в адрес Отделения... Трудно, например, уважать службу, по жалобе мужарогоносца занимающуюся розыском жены, сбежавшей с любовником... Дубельт до подобного мог опуститься в единственном случае – если получал на то прямое указание Государя.

Дибич спросил осторожно:

– Вы действительно считаете, Ваше превосходительство, что дело требует столь тщательного расследования? Могут ли игры «светской львицы» с магическими кристаллами и столоверчением представлять реальную угрозу для основ государства и веры?

«Львица» он произнес по-французски: *lione*. В русском языке выражение пока не прижилось. Да и оставалась графиня Юлия Павловна Самойлова в российском высшем свете «львицей» первой и, пожалуй, единственной...

Штабс-ротмистр Дибич действительно не понимал, отчего генерала столь заинтересовало пресловутое столоверчение – настолько заинтересовало, что он отозвал его, Дибича, из Варшавы, где назревали события действительно серьезные. Эка невидаль – магические кристаллы! Да в половине великосветских гостиных Петербурга регулярно практикуют подобные развлечения.

К тому же, сказать по чести, предстоящее задание не нравилось Дибичу чисто из моральных соображений. Семейство Самойловых было, как выражался в таких случаях штабс-ротмистр, с *душком*. Графиня Юлия Павловна в результате сложного адюльтера официально считалась внучкой собственного фактического отца.² Выйдя замуж, прожила с мужем совсем недолго – затем рассталась, не разводясь. И с тех пор вела жизнь более чем вольную, не оглядываясь ни на какие условности и ограничения, порождая массу слухов и сплетен. Упорно

¹ Эта характеристика Л.В.Дубельта принадлежит перу Герцена.

² Фактический отец Ю.Н.Самойловой, итальянский князь Литта, не был родным дедом графини – он женился на ее овдовевшей бабушке с целью завещать незаконной дочери громадное состояние.

твердили, например, что приемные дочери Самойловой – вовсе не приемные, но прижиты ею от любовника, живописца Брюллова...

Штабс-ротмистр, воспитанный в старых понятиях, не горел желанием рыться в грязном графском белье. Не мордвинские времена, в самом деле...

– Видите ли, милейший Иван Ильич... – Дубельт выдержал долгую паузу, машинальным движением придал своим знаменитым усам безупречно горизонтальное положение. Дибич хорошо знал, что жест сей служит верным признаком глубоких сомнений шефа в чем-либо – и, пожалуй, единственным зримым признаком.

– Видите ли, – продолжил генерал, – донос подобного рода, поступивший от кого угодно, я отправил бы в архив без малейших последствий. Но...

Он вновь сделал паузу, вновь коснулся усов. Штабс-ротмистр подумал, что Мордвинов давно бы уже грохнул кулаком по столу и рявкнул бы: «Исполнять немедленно!»

– Но автор доноса – Шервуд. А вы знаете, какой он обладает привилегией... К кому может обращаться напрямую.

Дибич знал. Иван (Джон) Шервуд – сын переселившегося в Россию английского фабричного мастера – обладал всеми задатками авантюриста и мошенника средней руки. Несомненно, именно в таком направлении и развивалась бы его карьера. Однако – этому прохиндею без малого двадцать лет назад посчастливилось проникнуть в Каменке в тайны назревающего выступления заговорщиков, осужденных впоследствии по делу 14-го декабря. Едва ли причиной тому стала проницательность и сыскные таланты Шервуда – скорее расхлябанность и самонадеянность горе-карбонариев.

Но как бы то ни было, за своевременный донос на Шервуда пролился поток высочайших милостей: получил денежные суммы, наследственное дворянство, был произведен в офицеры. Более того, обрел новую фамилию, вернее сказать, дополнение к старой: стал именоваться Шервуд-Верный.

Ни ума, ни таланта пройдохе награды не добавили. Спустя недолгое время III Отделение, где пытался продолжить Верный столь бурно начатую карьеру, отказалось от его услуг. Но Шервуд и много лет спустя не утомился, продолжая внештатное доносительство...

– Шервуд спит и видит, как бы еще раз «спасти отечество», – неприязненно произнес генерал, подчеркнув последние слова ироничной интонацией. – Однако, как на грех, оказий ему больше не подворачивается – мы с вами, Иван Ильич, недаром-таки получаем жалованье... И Верный пускает в ход самые нелепые домыслы. Но резвиться ему осталось недолго. В обществе упорно поговаривают о его нечистоплотности в денежных делах, чуть ли не в глаза именуют «Фиделькой» и «Шервудом-Скверным»... Пока рано раскрывать подробности, но уверяю вас, – скоро ему придется изнутри ознакомиться с достопримечательностями Шлиссельбургской крепости. Но до тех пор, пока следствие по делам и делишкам Шервуда не завершится, я никак не могу дезавуировать перед Государем его писания... Так что расследование – осторожное, негласное – провести в любом случае необходимо.

Дубельт замолчал, и молчал долго, – ничем, однако, не давая понять, что разговор окончен. Затем продолжил, опустив взгляд на загромождавшие его стол бумаги:

– К тому же открылось неожиданное обстоятельство. Как вы знаете, копии любых *сигналов*, где говорить о делах, имеющих религиозную либо мистическую подоплеку, препровождаются нами в канцелярию Синода... Обычно то, что вы, Иван Ильич, изволили поименовать «столоверчением», не вызывает их любопытства... Но на сей раз донос Шервуда на графиню Самойлову заинтересовал самого обер-прокурора. И он личным посланием просил меня сообщать буквально всё о ходе расследования – не ему, но напрямую в Десятое присутствие Святейшего Синода.

Генерал быстро поднял глаза на подчиненного – смотрел пристально и испытующе.

Проверка, понял Дибич. Мгновенная, как укол рапиры, проверка, кои столь обожает его превосходительство.

Он мог сейчас изобразить полнейшее изумление: «Как? Ведь в канцелярии Святейшего Синода присутствий восемь?» – продемонстрировав тем самым, что знает лишь то, что знать *полагается*. Но малоинформированным – и не стремящимся узнать больше – офицерам никак не стоило рассчитывать на успешный служебный рост под началом Леонтия Васильевича.

Мог воспринять последние слова шефа как должное – и расписаться в том, ведает о существовании якобы несуществующей службы. Но чрезмерно информированным подчиненным – и не умеющим пресловутую информированность скрывать – грозило кое-что похуже карьеры, замершей на мертвой точке.

Штабс-ротмистр не сказал ничего, благо прямого вопроса не прозвучало. Но постарался изобразить на лице удивление – которое толковать можно было двояко: не то Дибич заинтригован упоминанием неизвестной ему службы, не то реагирует подобным образом на ее интерес к зауряднейшему, казалось бы, делу.

Дубельт удовлетворенно кивнул. Дибич перевел дух – проверка выдержана...

* * *

Далеко пойдет, думал Дубельт, следя из окна своего кабинета, как штабс-ротмистр выходит из здания III Отделения (в народе звали его «дом у Цепного моста»), как коротким жестом подзывает пролетку...

Генерал испытывал немалую симпатию к Дибичу, стараясь не демонстрировать подчиненному свое чувство. Молодой, всего тридцать четыре, талантливый, хорошо знает, что значат слова «честь» и «приказ» – но никогда не пожертвует первым в угоду второму, скорее положит на стол рапорт об отставке. Опять же карьеру строит упорным трудом, не на подслушанных случайно разговорах, – в отличие от прохиндея Шервуда. И без каких-либо родственных протекций – покойный граф Дибич, начальник Главного штаба, приходился случайным однофамильцем штабс-ротмистру...

Именно таким молодым людям, продолжал размышлять генерал, надлежит составить новое лицо и III Отделения, и Корпуса, – взамен подонков общества, коих столь долго пестовали и прикармливали Фок и Мордвинов. Жандарм должен стать – и станет! – не пугалом, но символом чести и благородства...

Леонтий Васильевич Дубельт не только обладал внешностью Дон Кихота, он и в душе был романтиком.

* * *

Издаലെка, от Поповой горы, подал голос козодой. К покойнику, машинально подумал Дибич. В Вильненской губернии, где прошло его детство, бытовало такое поверие. Есть ли подобная примета у местных туземцев, у русских и чухонцев? Едва ли, козодой в здешних краях птица редкая...

Июньская ночь выдалась холодной – и Дибич пожалел, что не захватил с собой плащ. Степашка Ворон, вызвавшийся быть проводником в сегодняшней ночной экспедиции, вообще предлагал надеть крестьянские порты и зипун: «Хтож там вас ухлядит-то, барин, под землею? А тах и тепло, и захваздаться не боязно...» – но штабс-ротмистр отправился в мундире. Правда, в старом, помнящем еще польскую кампанию, пачкать новый в заброшенных штольнях не хотелось.

Отчасти это стало проявлением военных понятий о чести: в мундире ты разведчик, переоденешься – шпион. Да и Дубельт не приветствовал ношение своими сотрудниками партику-

лярного платья: «Нам мундиры скрывать не от кого и незачем, мы не доносчики и не наушники, – долг наш *открыто* быть опорой угнетенным и защитой обиженным!» Всё оно так, но плащ надеть, конечно же, стоило.

Степашка запаздывал. Дибич шелкнул крышкой брегета, всмотрелся в циферблат, еле видный в густом сумраке. Репетир он отключил, как всегда отключал перед рискованными предприятиями, – однажды, восемь лет назад, не вовремя раздавшийся из кармана мелодичный перезвон чуть не стал причиной гибели штабс-ротмистра (вернее, тогда еще поручика).

Ладно, часов у Ворона не водится, и время он определяет по-крестьянски: по восходу и закату, да по петухам... Подождем еще...

От непривычного безделья Дибич вновь начал перебирать в памяти события минувших трех с половиной недель – последовавших за памятным разговором с Леонтием Васильевичем в его кабинете, в «доме у Цепного».

Едва ли раздобытые штабс-ротмистром и отправленные в Петербург сведения заинтриговали генерала – да и Десятое присутствие, проявившее неожиданный интерес к делу. Но сегодняшняя экспедиция... Да, если рассказы Степашки Ворона подтвердятся, эффект будет как от разорвавшейся бомбы. Если подтвердятся...

* * *

Что донос Шервуда высосан из пальца, Дибич установил достаточно быстро. Никакое организованное «тайное общество», попадающее под действие рескрипта 26-го года, в загородном дворце Самойловой не собиралось. Любой организации надлежит иметь прописанные цели и задачи, устав или хотя бы нескольких постоянных членов... Упражнения гостей и домашних графини с якобы магическими предметами были обычной забавой – наряду с домашними спектаклями, музицированием и карточной игрой... Не более того.

Так Дибич и написал в рапорте на имя генерала – подробно, со ссылкой на свидетелей и собственные наблюдения (дважды лично посещал званые вечера у графини). Еще меньше «общество» заслуживало эпитета «тайное» – ни малейшей тайны из своих увлечений Юлия Павловна не делала. Рассказывала охотно – в том числе и штабс-ротмистру. О том, например, как углядела в магическом кристалле результат злополучной дуэли Пушкина за три дня до того, как поединок состоялся... Дибича ее ясновидение не удивило – скверная история шла к своему трагичному финалу не один день, и многие предвидели, чем она завершится.

Удалось узнать и причины, по которым Фиделька столь ополчился на «светскую львицу». Точнее, причина выявилась одна – деньги.

Шервуд-Верный не раз пускался в последние годы во всевозможные финансовые авантюры, в основном неудачные. Последней его идеей стало строительство на землях графини бумажной фабрики.

Однако попытки заинтересовать прожектом Юлию Павловну успеха не принесли. Шервуд действовал через посредников – и получил от ворот поворот. Но, похоже, на сей раз в задумке Верного рациональное зерно имелось. Потому что спустя недолгое время Самойлова отдала в аренду большой участок земли с мельницей на реке Ижоре соотечественникам Фидельки – неким Роджерсу и Райнеру. И собрались они возвести на месте мельницы как раз бумажную фабрику.

Взбешенный Шервуд бросился мстить – как умел.

Все эти факты тоже вошли в рапорт.

Но некоторые свои выводы штабс-ротмистр на бумаге не изложил. Более того, даже для себя не стал формулировать их в окончательном виде... Он понял, почему Государь – по тянувшейся с 1825 года традиции лично читавший все исходящие от Верного бумаги – дал ход идиотскому доносу. Для пресловутого понимания не потребовалось кропотливо собирать факты

и вдумчиво их анализировать, сплетни давно бродили по Царскому Селу и Санкт-Петербургу – Дибич мог бы и ранее услышать их, но жизнь бросала его в последние несколько лет вдалеке от столицы: Польша, Кавказ, дунайские княжества...

Едва ли чувства, испытываемые Его Императорским Величеством к графине Самойловой, могли называться ненавистью. Скорее Юлия Павловна безмерно раздражала Государя... Император, воспитанный в строгих понятиях о нравственности и ни разу не погрешивший против правил чести, никак не мог принять того, что французы называют *эмансипэ*.

Открыто разойтись с мужем, открыто сожительствовать много лет с давним любовником – и открыто изменять ему с любовниками мимолетными... Для любой другой женщины после такого в высшем обществе закрылись бы все двери.

Но – ближайшая родня императорской фамилии по линии Скавронских, последняя представительница рода, давшего России первую императрицу! Юлию Павловну продолжали принимать в свете. Более того, продолжали съезжаться к ней в «Графскую Славянку» – в основном молодые представители самых аристократических семейств...

Свободному образу жизни графини завидовали. Восхищались ею. И – аккуратненько, осторожненько – пытались подражать.

А самое главное – «гнездо разврата» (как однажды поименовал Государь в частной беседе «Графскую Славянку») – находилось в считанных верстах от Царского Села, от летней императорской резиденции...

Во времена Шешковского или Бирона проблема разрешилась бы просто. Графиня в лучшем случае получила бы с фельд-курьером предписание отправиться на жительство в самое дальнее свое имение, куда-нибудь в Кимры, – и пребывать там до новых распоряжений. Однако времена пришли иные... Государь, последний монарх-рыцарь Европы, не мог подобным образом обойтись с женщиной, но...

Но распоряжения положить под сукно донос Шервуда от него не последовало.

* * *

Дело можно было считать законченным, и надлежало отправить в архив бумагу Шервуда вместе с подробным отчетом о расследовании, но отчего-то Дибич не спешил покинуть окрестности «Графской Славянки». Поселился неподалеку, в Антропшинской слободе, арендовав половину дома у тамошнего мещанина Архипова.

Зачем? – он и сам не смог бы с точностью ответить. Иррациональное чутье, не раз позволявшее избегать смерти и находить решение самых запутанных загадок, твердило и твердило: что-то тут не так. Есть какая-то непонятная изнанка в простом и очевидном, по видимости, деле...

Опять же – непонятная заинтересованность Десятого присутствия, организации таинственной и пустяками не занимающейся. Более того, вроде как и не существующей. Дибич узнал о ней случайно, из предсмертного бреда коллежского асессора Раевского, смертельно раненого в катакомбах под Дербентом, – в те дни, когда объявивший себя имамом Дагестана Кази-Мулла осаждал город. Сам Раевский, между прочим, согласно официальному своему служебному формуляру ничего общего со Святейшим Синодом не имел – служил чиновником для особых поручений при генерал-губернаторе...

Не воспоминания ли о дербентских подземельях привели Дибича сюда, к Антропшинским штольням и выработкам?

Вполне возможно – хотя в последнюю неделю он занимался тем, что сам называл «стрельбой в тумане»: достаточно бессистемно встречался с людьми всевозможных чинов и званий, задавал огромное количество вопросов – благо офицеру в лазоревом жандармском мундире не грозило услышать встречный вопрос: «А зачем это вам знать?»

Штабс-ротмистр и сам не представлял, что ищет, – но чутье подсказывало: если люди, группирующиеся вокруг графини Самойловой, и в самом деле маскируют мелкими грешками нечто серьезное, – поиски его незамеченными не останутся. Вызовут ту или иную реакцию.

Дибич не ошибся.

* * *

Голос за спиной прозвучал неожиданно:

– Чай, зазябши, барин?

Ну Степашка... Ведь легко мог и пулю получить за этакое внезапное появление.

Штабс-ротмистр шумно выдохнул, медленно опустил пистолет, за долю секунды оказавшийся в руке, – четырехствольную лепажевскую игрушку, крохотные пульки которой могли оказаться смертельными лишь при исключительно точном попадании. Но Дибич так всегда и стрелял – исключительно точно.

– Опаздываешь, – сказал он холодно.

Ворон ответил ожидаемое:

– Тах ведь барин, чафсов-то нам не положено...

– Ладно, веди...

Степашка пошагал вперед, раздвигая кусты – двигался он и сейчас абсолютно бесшумно. Дибич следом. Пистолет он так и не убрал, но аккуратно опустил взведенные курки.

До входа в заброшенную штольню шагать пришлось минут десять, не больше. Но вел Степашка нарочито путаным зигзагом. Хитер... Едва ли удастся повторить путь даже днем по здешнему густому мелколесью. Проще будет заплатить Ворону новую полтину серебром... Если, конечно, не окажется, что его рассказ безмерно преувеличен – с целью заполучить пре-словутую полтину.

...Степашка Ворон – рослый, костистый мужик средних лет – был из крестьян графини Самойловой. Он сам заявился к штабс-ротмистру – рано поутру, в дом мещанина Архипова. Не чинясь, присидел больше часа в сенях, дожидаясь, пока встанет его высокоблагородие. Дождавшись, объявил: пришел по важному «хосудареву делу». Но долго мялся, не решаясь начать, – разговорился, лишь получив пятиалтынный и заверения: никак ему во вред штабс-ротмистр полученную информацию не использует.

«Хосударево дело» состояло в следующем: спасовские крестьяне, оказывается, тайком брали камень-песчаник из дальних, ныне заброшенных штолен Антропшинской каменоломни. Пользовались ходом, случайно отысканным мальчишками, – и потихоньку тащили нужный в хозяйство материал. Оставленные лет тридцать назад выработки были почти полностью опустошены, порой приходилось забираться далеко в глубь катакомб. Во время одного из таких ночных походов, отыскивая богатые слои, Ворон наткнулся на извилистый узкий туннель. Ход вел в обширную пещеру, судя по смутному описанию Степашки – естественного происхождения. А в пещере...

В пещере творилось нечто странное. Как выразился Ворон: «навроде хах в церхфи – ежли хдетось лукавому церхфи ставят...» В пещере какие-то люди справляли непонятный обряд. Степашка присматриваться не стал – быстренько дернул обратно по туннелю, в неплохо изученный им лабиринт штолен...

Черная месса? Насколько Дибич знал, после мартинистов из «Умирающего сфинкса» никто всерьез в России подобными вещами не занимался...

Выдумки Степашки, желающего промыслить денег на водку? И это возможно – тем более что почти ничего конкретного о творимом под землей обряде Ворон не сообщил. Но...

Одна деталь заставила Дибича насторожиться. Судя по описанию, в пещере на огромном черном алтаре лежал бронзовый пентагон – предмет, в давно минувшие века зачастую

используемый арабскими алхимиками и каббалистами в своих богомерзких ритуалах. Штабс-ротмистр, специализировавшийся в III Отделении на работе против оккультных и мистических обществ, знал о пентагонах из старых книг – и у него сложилось впечатление, что после падения Гранадского эмирата в Европе эти загадочные предметы не появлялись. И вот один всплыл-таки... Или подстрекаемая алчностью фантазия неграмотного крестьянина породила чисто случайное совпадение?

В любом случае, до выяснения всех обстоятельств Дибич не стал ничего сообщать в «дом у Цепного». Вполне возможно, что поплутав по запутанным переходам, Степашка объявит: не может, мол, вновь отыскать дорогу. Позабыл, дескать, со страху...

* * *

Лаз, замаскированный густо разросшимся диким малинником, оказался узким и низким – заходить пришлось по одному, согнувшись. Сделав пару шагов от входа, Степашка застучал кресалом, раздул огонь, запалил сухое смолье, изрядный запас которого прихватил с собой. Дибич, чиркнув новомодной фосфорной спичкой, зажег фонарь – но дверцу до поры прикрыл, На всякий случай.

Если все действительно всерьез – непрошенных гостей может ждать неласковый прием. Едва ли ведущий в пещеру ход постоянно остается без охраны и наблюдения. Скорее Ворону в тот раз попросту повезло. Минувшим днем штабс-ротмистр навел справки: не пропадали ли в катакомбах люди – взрослые, дети...

И выяснил: пропадали.

...Через полсотни сажен штольня стала шире и выше. Дибич выпрямился во весь рост, но все равно держался шагов на десять позади Степашки, с пистолетом наготове. Позиция идеальная – ему хорошо видно все, что происходит впереди, и дорога под ногами тоже. Чужие же глаза разглядят лишь ярко освещенного проводника.

Ход резко изогнулся – почти под прямым углом. Нырнул вниз. Снова изогнулся – и тут же раздвоился. Степашка уверенно шагнул в левое, меньшее отверстие... А затем развилка стало и не сосчитать. Ворон ни на мгновение не задумывался, выбирая дорогу. Хотя никаких видимых пометок на стенах Дибич не разглядел. И никакого плана или схемы у Ворона не было. Неужели держит всё в голове? Сам штабс-ротмистр на всякий случай у каждой развилки рисовал мелом направленную назад стрелку. Если что – найдет путь назад и в одиночку.

Меж тем начали попадаться следы людской деятельности. В иных местах ненадежные своды подпирались деревянными крепями, на вид старыми, но вполне надежными – сухой воздух катакомб гниению не способствовал. Потом обнаружили обломки деревянной тачки – Дибич отметил, что кто-то забрал железную ось и расковырял все доски, добывая гвозди, – не иначе как домовитые спасовские крестьяне. Кое-где виднелись следы их работы – более свежие сколы на каменных стенах...

Затем признаки присутствия людей вновь исчезли, а лабиринт стал вовсе уж запутанным и труднопроходимым – проложенным в недрах Поповой горы явно уже не человеком, но самой природой. В иные щели приходилось протискиваться боком, плотно прижимаясь к холодному камню. И как, интересно, собирался Степашка вытаскивать тут добытый песчаник? Неужели действительно все наврал ради лишней полтины?

Сомнения штабс-ротмистра почти уже переросли в уверенность, когда Ворон неожиданно остановился. И громко прошептал (шипящих звуков в его речи резко прибавилось):

– Пришли, барин. Не пойхду дале. Хучь на схъезжую отхправляй, хучь на батохи схтавь – не пойхду.

Вокруг была подземная каверна, куда более обширная, чем пройденные узкие туннели. Стены и свод тонули во мраке. Странное дело – только что их шаги не давали ни малейшего эха

(хотя, конечно, оба шли достаточно тихо – Степашка в лаптях, Дибич в сапогах с подметками из нарочито мягкой кожи). Но сейчас тихая речь Ворона отдавалась негромким зловещим эхом – шипящим, шелестящим – словно из темноты со всех сторон наполнили бесчисленные змеи. И – потрескивание горящего смолья казалось столь же зловещим.

Штабс-ротмистр пожегся. Спросил коротко и негромко:

– Где?

Его проводник молча махнул рукой с зажатым факелом.

Дибич всмотрелся в темноту, ничего не увидел – и распахнул дверцу фонаря. Тот был новейшей конструкции: с двумя зеркалами-рефлекторами, позволяющими направлять свет вверх, вниз, и во все стороны, – без риска залить маслом фитиль.

Та-ак... И тут крепи... Причем совсем новые. Но не такие капитальные, как в заброшенных штольнях – здесь жидкие еловые лесины подпирают ненадежные своды, все установлено тяп-ляп, на скорую руку. Интересно... А вот и ход, ведущий якобы в пещеру с «диавольской церховью» – идеально-круглый черный провал в стене. Что характерно, крепи в основном над ним. Надо понимать, обвалы уже случались, перекрывали проход – и кто-то позаботился избежать их в будущем. Достаточно небрежно, впрочем, позаботился.

Дибич задумался. Что расположено на поверхности над этим местом? Степашкин тайный вход верстах в полутора от особняка графини – и за час блуждания под землей они вполне могли оказаться под дворцом. И с тем же успехом – в любом другом месте. Свои попытки проследить направление штабс-ротмистр забросил в самом начале извилистого пути...

Но допустим – наверху действительно дворец. Тогда складывается реальная версия. Здание строилось под личным присмотром графини и по проекту архитектора Брюллова – родного брата живописца Карла Брюллова, любовника Самойловой... Подвалы в особняке глубокие, двухуровневые... Если при работах наткнулись на естественные каверны – факт сей мог остаться в узком «семейном» кругу... И графиня приспособила пещеру для своих тайных дел. Тогда салонные игры с «магическими кристаллами» – для отвода глаз. Пройдохе же Верному опять незаслуженно повезло – угодил в цель случайным выстрелом.

Красивая версия.

Но чтобы она подтвердилась или опроверглась – надо посмотреть, что там на самом деле творится в «подземном храме». Осторожно посмотреть, одним глазом... И назад, еще раз тщательно отметив дорогу. Возможно, возвращаться придется во главе роты жандармов...

– Останешься здесь! – тихонько скомандовал Дибич Степашке. – К крепям не подходи – все на честном слове держится. Если через полчаса...

Штабс-ротмистр осекся. Достал свинцовый карандаш, сделал отметку на пылающем смолье.

– Если до черты догорит и я не приду – возвращайся один. Держи конверт. Найдешь грамотея, он тебе растолкует, куда передать... Получишь там награду, большую. Всё ясно?

– Дых... Чевох не понять-то, барин... Нахрада, оно конехшно...

Дибич вновь прикрыл дверцу фонаря, оставив узенькую щелочку. Взвел курки на пистолете. И нырнул в темный провал лаза.

* * *

После ухода штабс-ротмистра Степашка Ворон недолго постоял молча и неподвижно. Потом начал действовать – и весьма странным образом. Первым делом поднес к огню запечатанный конверт, полученный от Дибича. Тот вспыхнул – стало чуть светлее. Бросив под ноги горящую бумагу, Степашка торопливо отыскал припрятанный в дальнем углу сверток – в нем оказались веревки. Столь же торопливо стал привязывать их к лесинам крепей. Затем, собрав в руку свободные концы, отошел подальше – и дернул изо всех сил.

Деревянные опоры рухнули. Спустя секунду рухнул подпираемый ими свод – с грохотом пушечного выстрела.

Когда поднятая обвалом пыль чуть рассеялась, Ворон подошел к заваленному лазу, кивнул удовлетворенно. Между загромоздившими проход большими и малыми обломками и ребенок не протиснется. Хотя, при наличии достаточного времени и желания, расчистить путь можно. Даже в одиночку...

С другой стороны завала донеслись звуки шагов – еле слышные, но слуху Ворона был куда как тонкий. Встревоженный голос Дибича негромко позвал:

– Степашка?! Жив?!

Ворон растянул губы в усмешке и издал хриплый, задавленный стон. Потом еще один, послабее. Потом третий – совсем тихий и оборвавшийся.

«Ехо блахородие» сказал что-то непонятное, не по-русски, – не иначе как матернулся. Вновь зазвучали шаги – удаляющиеся.

Степашка тоже не стал задерживаться – двинулся обратно, по пути тщательно стирая оставленные штабс-ротмистром метки.

* * *

– Merde!³ – выругался Дибич.

Грохот обвала настиг, когда он медленно, без света, крался по туннелю. Теперь все предосторожности потеряли смысл. Если в пещере кто-то дежурит постоянно – скоро он появится здесь. Штабс-ротмистр поспешил назад, услышал затихшие стоны Ворона – черт, все-таки тот сунулся, все-таки обрушил ненадежную конструкцию... Отвалить многопудовые глыбы и добраться до заваленного Степашки – на несколько часов тяжелого труда, и то без какого-либо рычага исход подобного предприятия казался более чем сомнительным... Причем в любой момент работы сзади мог неслышно подобраться противник.

Ладно, решил Дибич, посмотрим, что там у вас за «церхофь»... Может, и какой-никакой инструмент найдется...

Он быстро пошагал от завала – широко распахнув дверцу фонаря и держа его в далеко отставленной левой руке. Трюк старый, опытного человека таким не обманешь, – но едва ли среди тех, кто играет тут в странные игры, имеются профессионалы тайных войн... Выстрелят на свет – и промахнутся.

При ярком освещении хорошо было заметно, что туннель резко отличается от остальных, по которым довелось сегодня постранствовать Дибичу – стены гладкие, ровные, будто отполированные; сечение – почти идеальный круг. Кто же постарался, вытесывая в камне – пусть и в мягком песчанике – такую исполинскую трубу? Пещеры, прорытые подземными водами, совсем иного вида...

Впрочем, чересчур глубоко штабс-ротмистр над этой проблемой не задумывался. Шел, напряженно прислушиваясь, вглядываясь в раздвигаемую лучом фонаря тьму – готовый ответить ударом на удар, выстрелом на выстрел.

Никто не выстрелил... Никто не напал иным способом...

Туннель, плавно понижаясь, тянулся долго, – не менее полуверсты. А затем неожиданно закончился. Луч света, не встречая преград, метнулся вправо-влево, вверх... Она, понял Дибич. «Церхофь»... Поставил фонарь на пол, торопливо скользнул в сторону. Четыре ствола «Лепаж», готовые плюнуть свинцом и смертью, напряженно всматривались в темноту. Но темнота молчала.

³ Дерьмо (франц.).

* * *

И все-таки Степашка наврал.

Не было тут возвышения с алтарем, не было подпирающих свод каменных колонн. Ничего не было...

Лишь ровный, словно отполированный пол, такие же стены – смыкающиеся где-то на недоступной фонарю высоте... А еще – круглые провалы неведомо куда ведущих туннелей, формой и размерами точь-в-точь напоминавших тот, которым пришел сюда Дибич. Он насчитал восемьсот шагов, пока, обогнув подземный зал по периметру, вернулся к собственному носовому платку, отмечавшему вход. И – насчитал четыре туннеля. Приведший его сюда – пятый.

Располагались входы в туннели на одинаковом расстоянии друг от друга – и последние сомнения в искусственном происхождении циклопического сооружения отпали.

Но кто же отгрохал под землей этакую махину?

И, самое главное, для чего? Ни единой находки, способной прояснить эти загадки, штабс-ротмистр не обнаружил. Ни единого признака, что здесь бывали (бывают?) люди.

Исследовать в одиночку новые обнаруженные туннели не хотелось. Нужны помощники, нужны фонари, нужен изрядный запас длинной бечевы...

Но для начала отсюда надо выбраться.

Вариантов два. Либо попробовать-таки голыми руками разобрать завал, добраться до Степашки и уйти прежним путем... Впрочем, после услышанного смертного хрипа Дибич почти не сомневался, – его спутник в помощи уже не нуждается.

Либо – все-таки рискнуть и разведать новый путь к поверхности. Вполне возможно, что один из четырех туннелей ведет наверх.

Честно говоря, ни один из пресловутых вариантов штабс-ротмистру не понравился. И он решил поискать в центре громадного зала – там, куда не доставал свет фонаря. Может, все же отыщется хоть что-то, способное заменить рычаг.

И *что-то* отыскалось... Но рычаг заменить ни в коей мере не смогло.

* * *

Штабс-ротмистр удивленно присвистнул. Провал, на краю которого он оказался, отчасти напоминал круглую, диаметром шагов тридцать, шахту... Да только никто и никогда не роет шахт в форме идеального, словно циркулем вычерченного круга – ни к чему шахтерам такая точность...

Еще бездонный на вид провал напоминал кратер потухшего вулкана – но подземные силы, прорываясь к поверхности, геометрическими инструментами тоже не пользуются.

Больше всею это походило... да, на жерло исполинской каменной пушки.

Дибич снял верхнюю крышку фонаря, подкрутил винт, фиксирующий положение второго рефлектора... Тщетные старания – направленный отвесно вниз луч бессильно увяз в темноте, дно шахты штабс-ротмистр не разглядел, Стены «пушечного жерла» оказались, как артиллерийским орудиям и положено, идеально гладкими. Никаких лестниц, никаких вколотых в камень скоб-ступеней... Вообще ни одной выбоинки или выщерблинки. И наверху нет и следа приспособлений для спуска и подъема. Словно неведомые строители потратили уйму труда просто так, для красоты.

Штабс-ротмистр повел фонарем по сторонам. Ни единого камешка, ни единого обломка... Вздыхнув, он вытащил из кармана плоскую баклажку толстого стекла – прихваченную «для согреву». В два глотка допил остатки – и кинул опустевшую емкость в шахту.

Долго отсчитывал секунды, напряженно прислушиваясь.

Ничего.

Вообще ничего. Ни плеска, ни звона разбившегося стекла... Будто баклажка до сих пор падает, дабы зависнуть в центре матушки-Земли, – или вообще, пройдя насквозь, вылетела под самым носом у изумленных антиподов.

Больше тут искать нечего. Пожалуй, придется для начала вернуться к завалу, – авось удастся расчистить хоть узенький лаз...

Дибич пошел обратно, шаря лучом фонаря в поисках своего платка-метки. И остановился. Замер. Он наконец УСЛЫШАЛ. Услышал звук, донесшийся из шахты.

Не звон и не плеск – пожалуй, штабс-ротмистр и сам не смог бы определить точно характер звука, слабого и далекого, но налитанного скрытой мощью – подобно канонаде грохочущего вдали сражения. В единую еле слышную какофонию сливались звуки сухие – шуршащие, поскребывающие; и влажные – не то побулькивание, не то почавкивание. И была еще одна составляющая, даже и не слышная почти ухом, болезненно воспринимаемая всем телом, – про такое горцы Кавказа, где штабс-ротмистру довелось угодить в землетрясение, говорили: «кричит земля».

Хотелось уйти, скрыться, бежать от источника звука как можно дальше... Дибич вернулся обратно. К шахте-кратеру-пушке.

Сомнений не осталось. «Крик земли» шел именно оттуда. И становился все слышнее и слышнее. Более того, лицом ощущался ток теплого воздуха – опять же снизу, из жерла.

Неужто все же вулкан?

Здесь, в Петербургской губернии? Хм-м-м... Внизу – ни огонька, ни слабого отблеска. Луч фонаря вновь ничего не высветил... А звук все усиливался. Источник его явно надвигался.

Дибич оближал пересохшие губы. Направил «Лепаж» вниз, в бездонную черноту. Умом понимал: ни к чему, приближается к нему ни человек и ни опасное животное, – скорее некое загадочное природное явление. Но оружие, зажатое в руке, успокаивало.

Однако что же такое там может оказаться?

Из памяти всплыло словосочетание «грязевой вулкан». Что оно в точности обозначает, Дибич не смог припомнить, – естественным наукам в кадетском корпусе уделялось отнюдь не первостепенное внимание. Но представлялась неприятная картинка: снизу по шахте ползет клокочущая и побулькивающая болотная жижа, сверху покрытая шапкой из прошлогодних, ломких стеблей тростника, шуршащих, цепляющихся за стены...

Бред, конечно, но ничего иного в голову не приходило.

А спустя еще несколько секунд мыслей – даже таких бредовых – не осталось. Вообще. Дибич УВИДЕЛ.

В верхней части шахты, кое-как освещенной светом фонаря, возникла бурлящая, пузырящаяся масса. Слизистое, неоднородное НЕЧТО. Казалось – там мелькают в безумном танце и извивающиеся куски чего-то еще живого, и недавно ставшего мертвым, и бывшего мертвым всегда – а может, так лишь казалось...

Штабс-ротмистр отшатнулся, сделал шаг назад... Надо было развернуться, побежать к ведущему вверх туннелю, – не дожидаясь, пока это выплеснется и начнет заполнять подземный зал. Но Дибич застыл, не в силах оторвать взгляд от приближающегося месива.

Потом что-то метнулось в нему снизу – тонкое, длинное, плохо различимое в стремительном движении... Именно так в свое время летел направленный в шею Дибича клинок Ибрагима, любимого мюрида Кази-Муллы, – летел невидимо и беспощадно. И штабс-ротмистр отреагировал точно как тогда: дважды выстрелил. Выстрелил рефлекторно, не пытаясь понять и осознать, с чем столкнулся.

И стремительный полет подломился! Дибич успел разглядеть длинное, извивающееся тело, втягивающееся обратно, – и толчками выплескивающуюся из него жидкость, показавшуюся в свете фонаря черной.

Приближающееся месиво застыло – не далее как в трех саженях от края шахты. Чем бы это ни оказалось – но было оно уязвимо и смертно. И, очевидно, имело понятие об осторожности. Неоднородная поверхность кое-где вспучивалась, ходила волнами, – но не приближалась. Шуршание-поскребывание смолкло.

Штабс-ротмистр повел стволами «Лепаж» вправо-влево – сомневаясь: стрелять ли наугад, надеясь зацепить случайным попаданием? Кого зацепить: змею? щупальце неведомой твари? – раздумывать было некогда.

Как тут же выяснилось, и эта секундная заминка чуть не стала роковой.

Второй змеевидный отросток выполз наверх в стороне, куда не попадал свет от фонаря, – и ударил сбоку, низом, метясь по ногам.

Выстрелить штабс-ротмистр не успел. Лишь высоко подпрыгнул. Чудовищный хлыст пронесся в считанных вершках от подошв. Едва приземлившись, Дибич тут же бросился прочь от шахты – вверх взметнулись еще две гибких плети...

На бегу мелькнула мысль: все же щупальце! Или хвост? По крайней мере, ничего похожего на змеиную голову штабс-ротмистр не разглядел на тонком, сходящемся на нет конце «хлыста».

За спиной зашуршало-заскребло – и куда сильнее, чем раньше. Казалось – совсем рядом, над ухом. Дибич, не оборачиваясь, резко изменил направление бега. И туг же у самого плеча пронеслось нечто огромное, невидимое в темноте.

Штабс-ротмистр метнулся в ближайший туннель. Платка-метки у входа не было...

* * *

Пробежав сотни полторы шагов по полого поднимающемуся ходу, он остановился. Прислонился к стене, отдышался... Страх медленно, неохотно отступал. Дибича многие считали полностью лишенным этого чувства – и ошибались. На смотрящую в лицо смерть его мозг реагировал всегда вполне заурядно. Но тело в такие моменты, казалось, начинало жить собственной независимой жизнью – быстро и четко выполняло необходимые действия... И смерть проходила мимо.

Но так, как сегодня, пугаться штабс-ротмистру не приходилось. Даже когда их поредевший эскадрон на узких улочках местечка Глуховичи окружили пять сотен польских косиньеров – и начали беспощадную методичную резню...

Уйти из подземного зала удалось чудом. Едва штабс-ротмистр юркнул в этот туннель, в стену рядом с входом ударил живой таран – камень под ногами ощутимо дрогнул.

Однако... Если у зверюшки такие щупальца – на что же похожа она сама? Видом и размером? Профессорам из Императорской Академии Наук будет над чем поломать голову, если...

Если Дибич отсюда выберется. И приведет подмогу...

Он успел подумать: «А как, собственно, действовать тут пресловутой подмоге? Забросать шахту пороховыми минами? Залить нефтью и поджечь? Или подтащить...» Мысль осталась незаконченной. Вновь раздалось скребущее шуршание, Здесь, в туннеле...

– *Lerite!*⁴ – выругался Дибич. И вновь побежал.

Он уже понял, что шуршат щупальца – очевидно, покрытые твердыми не то ворсинками, не то чешуйками. Шуршат, когда медленно передвигаются, готовясь к мгновенной смертоносной атаке...

⁴ Гнида (франц.).

Штабс-ротмистр прибавил ходу. Если этот туннель копирует первый по протяженности, то тварь не дотянется. Скорей всего, не дотянется... Хочется верить. Но куда выведет новый путь? Дибич предпочел не ломать голову, как раньше не раздумывал над происхождением и классификацией подземного монстра. Он не ученый, он солдат. Разведчик. Его дело – вернуться и доложить... Даже если для этого приходится бежать от врага.

И он бежал.

Бежал не куда, а откуда. Вернее – от кого...

Штабс-ротмистр преодолел сотню саженей, вторую... Шуршание осталось позади. Дибич не сбавлял темп – и едва успел остановиться на полном ходу.

Туннель от края до края перекрыла стена. Не природная, рукотворная – известковая кладка из огромных блоков песчаника. Дибич посветил вверх – стена плотно прилегала к своду.

Тупик.

Ловушка.

И вновь – пока далекое, тихое – шуршание.

Он поставил фонарь, опустил рядом на одно колено. Мысли метались панически: всё! конец! бесславный конец в каменной норе, в щупальцах не пойми откуда взявшегося апокалипсического зверя! – а руки быстро и уверенно отмеряли порох из изящной серебряной пороховницы, забивали пули в два опустевших ствола... Тварь смертна, тварь боится боли... Надо показать ей, что добыча может кусаться... Маленький, но все же шанс.

... Фонарь стоял впереди, выдавая максимум света. Дибич – готовый к стрельбе – позади, в темноте. Стена осталась за спиной, шагах в десяти, – необходимое пространство для маневра.

Шуршание приближалось – медленно-медленно. Ожидание схватки изматывало, выпило силы до ее начала... Хотелось крикнуть: «Ну же, гадина! Давай! Вот он – я!!»

Дибич не крикнул. Потому что это наконец появилось. На тонкий, стремительный бич оно теперь не походило. По тоннелю медленно, толчками полз тупоконечный отросток – толщиной со ствол вековой сосны.

Тем лучше.

В крупную цель попасть легче.

Либо никаких органов чувств отросток не имел, либо проигнорировал и фонарь, и его владельца. Полз как полз.

Штабс-ротмистр тщательно прицелился.

Выстрел! Второй!

Вновь ударили фонтанчики черной жидкости – далеко, сильно – давление крови в жилах твари оказалось чудовищным. Если, конечно, то была кровь...

Дибич сделал паузу, сберегая два последних заряда и выжидая реакцию противника: испугается? Отдернется?

Отросток замер неподвижно. Напор черной жидкости слегка ослаб...

А потом все произошло почти мгновенно.

Щупальце буквально выстрелило вперед – на глазах вытягиваясь, утончаясь. Одновременно Дибич нажал на спуск. Два выстрела «Лепаж» слились в один. Попал, нет, – не понять, стремительное движение твари опрокинуло фонарь. В темноте штабс-ротмистр почувствовал, как его грудь жестко, до хруста, сдавила невидимая петля. Он потянулся пальцами правой руки к обшлагу левой – выхватить из рукава нож, использовать последний крохотный шанс...

А невидимые петли захлестывались все новыми витками – выше, выше... Ребра ломались. Пальцы уже коснулись рукояти ножа, когда страшное давление обрушилось на шею. Треск позвонков показался грохотом пушечного выстрела. Темнота вспыхнула ярко-оранжевым пламенем. И для Дибича всё закончилось...

* * *

Генерал-майор Леонтий Васильевич Дубельт был в ярости. И, как всегда в подобных случаях, ничем не давал собеседнице почувствовать этого.

– Милейшая Юлия Павловна, надеюсь, вы хорошо понимаете: исчезновение одного из лучших офицеров Корпуса, лично знакомого Государю, – не может не иметь самых серьезных последствий? Исчезновение в *ваших* владениях?

Голос графини звучал холодно:

– Я прекрасно понимаю ваши резоны, Леонтий Васильевич. Не могу лишь понять: какое отношение исчезновение вашего подчиненного имеет лично ко мне? И к моему скромному дому? Неужели вы подозреваете, что я могла похитить офицера, лично знакомого самому Государю?

В ее ровном тоне мелькнула тень издевки. Неприязнь Его Императорского Величества Николая Павловича и графини Самойловой была взаимной.

– Упаси меня Господь, Юлия Павловна, от таких подозрений. Но служебный долг заставляет меня проверить все вероятные и даже маловероятные версии. В том числе и ту, согласно которой в исчезновении штабс-ротмистра Дибича замешан кто-то из ваших людей.

– Что вы хотите? От меня?

Скрываемая неприязнь «светской львицы» прорвалась-таки наружу. Не в словах – в интонации.

– Я прошу – всего лишь прошу, Юлия Павловна – позволения моим офицерам осмотреть ваш особняк и побеседовать с гостями и прислугой. Вы, разумеется, вправе отказать в моей просьбе. Но, естественно, подобный отказ приведет к определенным размышлениям. И выводам...

– Осматривайте. Беседуйте, – процедила графиня, окончательно отбрасывая маску светской вежливости. – А сейчас, господа, позвольте откланяться. Меня с утра мучает мигрень...

Не дожидаясь ответа, Юлия Павловна круто развернулась и пошла к дверям своего «скромного дома». Генерал проводил ее взглядом – внимательным, цепким.

– Вы действительно рассчитываете здесь что-то обнаружить, Ваше превосходительство? – с сомнением спросил коллежский советник Задорнов, не проронивший ни слова в течение разговора с графиней.

Дубельт молча пожал плечами. Делиться своими планами и расчетами с чиновником, прикомандированным Десятым присутствием, в его намерения не входило.

– А ну пища!!! – замахнулся вдруг генерал на ворону, потихоньку, бочком, подобравшуюся почти к самым ногам беседующих.

Та, протестуяще каркнув, поднялась на крыло, но отлетела недалеко – шагов на пять-шесть. Опустилась на ровно подстриженную траву газона и уставилась на генерала черной бусинкой глаза.

Задорнов с сомнением посмотрел на птицу. Возможно, генерал и не заметил, но чиновник Десятого присутствия хорошо запомнил: во время вчерашней беседы с мещанином Архиповым, проходившей во дворе дома, где квартировал Дибич, – рядом, почти у ног, точно так же сидели две вороны. И точно так же словно прислушивались к разговору...

Коллежский советник отогнал нелепые мысли. Совпадение, не более того. Ворон тут действительно много... Графине стоило бы отдать приказ спилить несколько старых лип, служащих им пристанищем...

* * *

Тщательные поиски – особняк графини обыскали весь, от чердака до самых потаенных закоулков подвала – ничего не дали. И в пруду, старательно прочесанном баграми и «кошками», тело штабс-ротмистра не обнаружилось. Аналогичный результат – вернее, отсутствие одного – принесли розыски в ближних и дальних окрестностях и расспросы местных обывателей.

Дело об исчезновении штабс-ротмистра Отдельного корпуса жандармов Дибича И.И. так и осталось нераскрытым – и в положенный срок ушло в архив. Туда же отправился и донос Шервуда-Верного на графиню (вскоре этот прохиндей попал-таки за свои грехи и грешки в Шлиссельбургскую крепость).

Но Дубельт, обычно не отличавшийся мстительностью, затаил глубокую неприязнь к Самойловой. И когда спустя четыре года Юлию Павловну все же мягко принудили «продать в казну» имение «Графская Славянка» – убедил Государя в необходимости сего шага именно Леонтий Васильевич. Тогда же особняк вновь обыскали, с еще большим старанием – вскрывали перекрытия, выстукивали стены в поисках тайников. И вновь тщетно...

В 1852 году старший сын Дибича, тоже Иван, отбыв три обязательных года в конно-гвардейском полку, подал рапорт о переводе в Отдельный корпус жандармов. Резолюцию на рапорте наложил лично Государь: «Зачислить. Предупредить, дабы мстить за отца не пытался – но служил как тот, честно и верно».

Дибич-младший так и служил...

Часть первая
ГОСПОДИН АРХИВАРИУС
(13 июня 2003 г., пятница – 15 июня 2003 г., воскресенье)

Глава 1

13 июня, пятница, утро – 14 июня, суббота, день

1

Внешний облик человека угрожающего впечатления отнюдь не производил. Сухощавую фигуру не украшали гипертрофированные мускулы, руки не синели наколками. Не морщился свирепо мафиозно-бритый затылок – изрядно поседевшие волосы были подстрижены аккуратным ежиком. Речь пришельца звучала вполне корректно, а предъявленное удостоверение не имело ничего общего с нынешними конторами – наследницами некогда грозного КГБ. Охранно-розыскное агентство «Рапира» – эка невидаль, таких агентств расплодилось, как грибов после дождя...

И все же что-то не нравилось Савичеву в этом человеке. Было нечто в пластике движений, в выражении лица, во взгляде, – хищное, жесткое, опасное...

Хотелось побыстрее завершить разговор, побыстрее распрощаться. Но человек настойчиво гнул свое:

– Мне *необходимо*, чтобы мои люди постоянно находились в палате. Пострадавший владеет важнейшей информацией. К тому же не исключен вариант, что рубанувший его по затылку вернется – с целью завершить работу.

Савичев собрался было сказать, что старший дознаватель из РУВД здесь уже побывал, и не нашел никакой необходимости в охране без пяти минут трупа... Но не сказал. Пришелец (сам он не представился, а на быстро мелькнувшем удостоверении имя и фамилию Савичев разглядеть не успел) – пришелец никак не казался человеком, у которого аббревиатура РУВД вызывает опасливое уважение.

И заведующий реанимационным отделением сказал другое:

– Поймите, нет никакой надежды, что больной произнесет что-то осмысленное. Случайные слова, что у него порой вырываются – явный бред, причем на несуществующем языке. И добивать его ни малейшей необходимости нет. Уже сам факт, что он до сих пор жив – материал для научной статьи о неизвестных ранее резервах организма. Здесь реанимация, здесь жизни висят на тонкой нити, – и присутствие ваших... хм... людей может помешать моим... хм... людям сохранить эту нить.

Не убедил.

– Я все понимаю, – мягко начал человек. Но продолжил жестко, безапелляционно: – В палате будет находиться один мой сотрудник, с диктофоном. Двое других – в коридоре. Или вы хотите, чтобы к вам вновь и вновь поступал материал для научных статей о рубленых ранах?

После короткой паузы человек закончил вновь мягко, сочувственно:

– У вас ведь две дочери, Сергей Борисович: студентка и старшеклассница. Наверное, порой гуляют после заката... Я не хочу, чтобы им довелось встретиться с любителем бить по головам острыми предметами. А вы?

Слова, подсознательно ожидаемые Савичевым с начала разговора, прозвучали. Угроза. Завуалированная заботой угроза...

Губы врача дернулись, словно он хотел что-то сказать. Но не сказал ничего.

Человек внимательно всматривался в лицо собеседника. И добавил ровным спокойным тоном совершенно для того неожиданное:

– Сутки назад не так далеко от места обнаружения вашего больного был найден мой сын. Тоже с разрубленной головой. К сожалению, его организм не обладал феноменальным запасом живучести...

Спустя недолгое время седой человек давал последние инструкции остающемуся в палате сотруднику:

– Имей в виду, Гриша: судя по всему, именно этот Шляпников установил растяжку с гранатами на пути у кинологов. И кровь, найденная на его мотоцикле, совпадает по группе с кровью убитого охранника Ермаковых. Тип крайне опасный. Так что если эскулапы ошиблись насчет его состояния... В общем, будь готов ко всему.

– Не сомневайтесь, Юрий Константинович. Не впервой.

Больной, лежавший неподалеку на реанимационном столе, окруженном всевозможной аппаратурой, – казалось, не обратил внимания на этот диалог. Трудно обращать на что-либо внимание с разрубленным почти пополам мозжечком и не приходя в сознание. Но при последних словах молодого круглолицего Гриши губы бесчувственного слушателя скривились. Впрочем, покрывавшие лицо бинты разглядеть гримасу не позволяли...

2

Место было красивейшее: сосны-великаны, хрустальной прозрачности воздух, и столь же прозрачная вода озер – каждый камешек на дне виден аж на трехметровой глубине...

Семиозерье.

Именно здесь разворачивались драматичные и кровавые события – описанные в романе писателя Кравцова, пока не завершенном.

Но именно сюда – в Семиозерье, в детский лагерь «Авроровец» – Кравцов в нынешнем июне вывез детей на две смены. Рассудил он просто: два снаряда в одну воронку редко, но попадают. Но чтобы залп всей батареи угодил ровнехонько в одну точку – не бывает. Даже в теории... Если всё, описанное беллетристом, начнет вдруг сбываться – стоит сменить профессию. Податься в прорицатели, на манер Ванги...

Пресловутые рассуждения были не особо серьезные, с изрядным оттенком иронии. На самом деле Кравцов хотел одного: чтобы Танюшка и Сережка оказались подальше от Питера. И от Спасовки.

Отпрыски уже отдыхали здесь – прошлым летом. И освоились на удивление быстро. Танюшка о чем-то с важным видом шушукалась с барышнями, столь же юными и пытающимися столь же важно выглядеть, – похоже, в новом отряде обнаружили две-три подружки по прошлому лету. Сережка же с дикими воплями носился с другими пацанятами между сосен – играя в какую-то непонятную, но весьма азартную игру.

Можно было уезжать, прощание с ребятами завершилось, но воспитательница Танюшкиного отряда – полная молодая женщина с ослепительно-рыжими волосами – никак не могла закончить разговор с Кравцовым. Намекала открытым текстом, что не плохо бы господину писателю приехать в лагерь, и провести встречу с читателями-почитателями – не с ребятней, а с вожатыми и воспитательницами – как-нибудь вечерком, в узком кругу...

Немедленно возникло подозрение, что виновник здешней популярности писателя Кравцова не кто иной, как Танюшка, – главная его имиджмейкерша и пиарщица. Дочь никогда и нигде не забывала упомянуть, какой у нее всем известный папа...

Честно говоря, большая часть слов рыжей воспитательницы пролетала мимо ушей, голова была занята иным.

Господин писатель чему-то кивнул, с чем-то согласился, что-то даже уклончиво пообещал – потом так и не вспомнил, что же именно. Наконец и с рыжей удалось распрощаться.

Кравцов направился к своей машине, оставленной за воротами лагеря. Под ноги, пересекая дорожку, метнулся здоровенный котиче – зеленоглазый, одно ухо висело лохмотьями, свидетельствуя о немалом боевом опыте. А рыжая масть, странное дело, один к одному напоминала прическу недавней собеседницы... Кравцов подумал: наверняка их в лагере всего двое – обладателей такого насыщенного и естественного колера... И решил: вставлю куда-нибудь.

Впрочем, усаживаясь за руль «нивы» (бесконечно тянувшийся ремонт машины наконец завершился), – он уже позабыл и кота, и воспитательницу. Мысли вновь и вновь возвращались к Спасовке и «Графской Славянке»...

3

После двух суток, плотно набитых громоздящимися друг на друга происшествиями, – и завершившихся безумно-дикой ночью, проведенной с Аделиной на Чертовой Плешке, в жизни Кравцова наступила полоса мертвого штиля.

Не происходило НИЧЕГО. Вообще...

Нет, какие-то мелкие повседневные события случались. Но казались незначительными и... ненужными, что ли...

Он ощущал себя бегуном-стайером сразу после пересечения финишной ленточки. Тело еще рвется вперед, кровь кипит адреналином, – а бежать-то и некуда...

С Адой тоже творилось неладное. Держалась с Кравцовым отчужденно, как со знакомым, но отнюдь не близким человеком. Он знал причину. Провалы в памяти девушки увеличивались.словно невидимый ластик стирал все воспоминания, связанные со старинным бронзовым предметом. С *пентагоном*. А с Кравцовым она познакомилась именно благодаря этой штуковине...

Сашок же после схватки на графских развалинах как в воду канул. Его искала милиция (Кравцов сделал-таки заявление про утреннее происшествие на руинах – решив, что данное седому человеку обещание молчать относится лишь к находке тела Костика) – но искала безуспешно. Его искали люди «седого» – сомнений в этом не было, шеф сей неведомой организации спустя сутки вновь приехал в Спасовку, и битых два часа расспрашивал писателя о самых мельчайших деталях последних событий. Более того – «седой» обещал позвонить, если поиски увенчаются успехом. Однако – до сих пор не позвонил...

Надо думать, Сашок залег на дно, зализывая раны. Наверняка имел надежное убежище, где и провел три года после побега из Саблино. И оставался постоянной угрозой, способной в любой момент возникнуть на горизонте.

«Седой» не позвонил – зато позвонила Наташа. Странная получилась с ней беседа... Скомканная... Сообщила коротко: с ней и с детьми все в порядке, местонахождение свое назвать вновь отказалась. Эмоциональный и сбивчивый рассказ Кравцова о последних похождениях Сашка выслушала с легким скепсисом – но комментировать никак не стала. Сказала, что рассталась с Сашком два дня назад и больше его не видела... От личной встречи с Кравцовым уклонилась, но еще раз попросила ничего не рассказывать мужу. Вернее, «бывшему мужу» – именно так она выразилась. Вот и весь разговор.

Кравцов «бывшему мужу» не мог бы ничего рассказать при всем желании. Завершив двухдневную пьянку, Козырь неведомо куда исчез из Спасовки – дом Ермаковых стоял пустой и запертый. Вялая попытка дозвониться и объясниться успеха не принесла: мобильник не отвечал, секретарша на работе проинформировала коротко, никак не конкретизируя: начальник

в командировке, когда вернется – неизвестно. В общем, где и чем сейчас занимается Пашка-Козырь – оставалось тайной за семью печатями...

Господин писатель, не мудрствуя лукаво, воплотил в жизнь решение, спонтанно пришедшее после находки тела Костика – остался жить в сторожке «Графской Славянки». Благо с формальной точки зрения имел на это полное право – трудовой договор с ним никто не расторгал.

Казалось – здесь, рядом со старыми руинами, непременно вскоре что-то произойдет, отложенная схватка продолжится... Однако – не случилось ничего экстраординарного или просто необычного. Наваждение, посетившее Кравцова ранним утром после ночи на Чертовой Плешке: возродившийся в первоизданном виде дворец и обращавшийся к писателю странный голос, – стало последним событием, которое можно назвать неординарным...

После наступил мертвый штиль.

Действительно все закончилось? Действительно они с Адой поставили на Плешке точку в чужой игре?

Или – наступило затишье перед бурей?

Кравцов склонялся ко второму варианту...

Позавчера он не выдержал – решил сам начать партию. Белые начинают и выигрывают... Имеющаяся информация (если говорить начистоту, большей частью состоявшая из смутных догадок) позволяла предпринять кое-какие шаги. Задуманные давно, но отложенные ввиду начавшейся свистопляски...

Но сначала стоило обезопасить тылы.

Кравцов поехал в город, забрал машину из тянувшегося три месяца ремонта, лихой кавалерийской атакой сломил сопротивление ошарашенной тещи – и увез Танюшку и Сережку на Карельский перешеек, в Семиозерье. Путевки купил на месте, на две смены подряд. Переплатить за срочность пришлось изрядно – но в деньгах недостатка не было, очень кстати подоспела пара гонораров...

И вот теперь он возвращался – напряженный, кипящий злым азартом, готовый к схватке.

Начну с Архивариуса, решил Кравцов. Именно так. Первым делом в Царское Село, к Архивариусу...

Свое решение он смог исполнить лишь на следующий день.

4

Ничего рассказывать Кравцову о себе не пришлось. Архивариус и без того все знал. И не преминул сей факт тут же продемонстрировать.

– Вы – писатель Кравцов, бывший офицер, автор книг... – Он перечислил все романы, в том числе пока *неопубликованные*, хотя ничего подобного ему о себе Кравцов не сообщал – даже не сказал, что писатель. – То-то мне показалось, что для студента-историка – коллеги Валентина – голос больно солидный.

Оперативно, ничего не скажешь. А ведь в архивах эти сведения пока не пылятся...

То, что Пинегин оказался студентом истфака, стало для Кравцова новостью. Подсознательно он считал – хотя Козырь в своем рассказе выбранный Валентином вуз никак не конкретизировал, – что парень учился на инженера.

Он коротко пояснил, что коллегами с Валею они были на другом поприще. И добавил:

– У меня о вас тоже сложилось несколько иное представление...

– Книжный червь, дистрофик в очках с линзами толщиной в палец? – улыбнулся Архивариус.

Улыбался он хорошо. Улыбка делала его лицо с волевыми скулами почти красивым.

«Несколько иное представление...» – это мягко сказано. Когда открылась дверь – несокрушимо-броневая, украшенная линзой видеокамеры – Кравцов поразился. Перед ним оказался мужчина с руками и плечами атлета – казалось, короткие рукава летней рубашки готовы вот-вот лопнуть от напора бицепсов. А кулаки... На обладание такими кулаками стоило бы получать лицензию, как на оружие самообороны повышенной мощности. Но – у Архивариуса не было ног. Обеих, выше колена. Встретил он Кравцова на инвалидном кресле-коляске.

Впрочем, оно оказалось не тем уродливым сооружением, в очереди за бесплатным получением которого неимущие инвалиды стоят годами – но суперсовременным, сверкающим хромом и никелем. И раскатывало по квартире своим ходом с мерным жужжанием. Кресло было оборудовано массой приспособлений – Кравцову даже показалось, что в подлокотник вмонтирован экранчик мини-компьютера. Сохранить же подобную осанку в инвалидном кресле мог лишь человек, много лет проносивший военную форму.

– Что делать, – продолжал Архивариус. – По не зависящим от меня обстоятельствам пришлось сменить работу. Мышцы – какие остались – стараюсь поддерживать в прежней форме. А зрение вот отчего-то не портится, так что уж извините за отсутствие очков...

– Где вы служили? – полюбопытствовал Кравцов. Он не сомневался, что еще много лет обрубки ног Архивариуса рефлекторно вздрагивали, если произнести командным голосом: «Товарищи офицеры!»

Архивариус внимательно взглянул на него и сказал после короткой паузы:

– Я служил в КГБ. Вы разделяете предубеждение многих ваших коллег против Конторы?

– Я всегда уважал и сейчас уважаю эту организацию, – ответил Кравцов.

Он ничуть не кривил душой. Сколько бы ни брызгали на КГБ ядовитой слюной молодые реформаторы и старые диссиденты, – по мнению Кравцова, уважения (не любви!) Комитет заслуживал по простой причине: туда отбирали лучших. Отовсюду. Например, задолго до выпуска в его институте пару-тройку самых толковых ребят на курсе приглашали по одному в кабинет проректора. А там вежливые люди в хороших костюмах предлагали после защиты диплома интересную и перспективную работу в вычислительном центре Большого дома на Лубянке (учился Кравцов в Москве). Предлагали *лучшим*. А на прокурорных кухнях диссидентствовали в основном неудачники и троечники...

Ну что же, кое-что стало ясным, подумал Кравцов. Отчего, например, телефонный номер Архивариуса отсутствует в базе. И как он успел почти мгновенно собрать всю информацию о госте.

Между вторым звонком Кравцова, извинившегося за срыв первой встречи, и визитом прошло не более двадцати минут...

Последнюю мысль визитера, впрочем, Архивариус тут же опроверг.

– Из Конторы я ушел давно, пятнадцать лет назад. После ельцинского погрома – всех реорганизаций, расформирований, дроблений – знакомых там практически не осталось. То есть многие знакомые живы-здоровы – кто за рубежом, дальним и ближним, кто в службах безопасности наших корпораций, кто еще где... Я это к тому: не стоит беспокоиться, что за последний час с вашего дела сдували пыль на Литейном. Все сведения о вас болтаются в Сети, ничего сложного, если знать, что и где искать... Я – знаю.

На вид Архивариус выглядел моложе. Явно ведь пятнадцать лет назад оставил службу не в звании лейтенанта – у лейтенантов такая манера держать себя еще не наработана. Тут не один год нужен...

– Значит, вы – архивариус компьютерный? Интернетный?

Это оказалось не совсем то, что ожидал Кравцов. Сам он Сеть как источник информации не жаловал, но знакомых «интернетчиков» у него хватало.

– Скорее универсальный... Многие вещи в Интернет еще не попали и не попадут никогда. Не стоит трудов переносить их на электронные носители – для одного-единственного исследо-

вателя, который может ими заинтересоваться в ближайшие десятилетия. А может и не заинтересоваться... Но все, что только возможно – стараюсь делать с помощью компьютера. Между иными архивными полками, знаете ли, на моем бронеходе порой и не протиснешься. Шучу. К полкам меня, понятно, не подпускают, выносят заказанное для изучения... Ладно, церемонию знакомства считаю законченной. Пора приступить к делу. Пройдемте в кабинет.

– По-моему, в упомянутой церемонии упущен один момент, – сказал Кравцов. – Как мне вас называть? У Пинегина в бумагах значилось лишь «Архивариус».

Собеседник удивленно приподнял брови:

– Так и называйте, Леонид Сергеевич, – Архивариусом. Меня почти все так зовут.

Ну и ну, подумал Кравцов. Конспиратор... Что значит старая закваска. В телефонной базе его номера нет, называй его по псевдониму... Если надо – можно ведь имя с фамилией и у соседей разузнать, и в жилконторе. Ладно, пусть будет Архивариус.

– Тогда и вы зовите меня по фамилии, без имени-отчества. Меня тоже почти все так зовут.

На этом церемония закончилась. Они пошли в кабинет. Вернее, пошел Кравцов, – Архивариус покати.

Устроившись за столом, где центральное место, естественно, принадлежало громадному дисплею, Архивариус сказал неожиданное:

– Вы уверены, господин писатель, что действительно хотите разузнать всю подноготную о «Графской Славянке»? Валентин вот тоже хотел... Я сугубый рационалист и уверен, что никакое знание убить само по себе не может, убивают всегда люди... Но некоторых вещей, по моему, лучше не знать.

Кравцов, честно говоря, не понял: к чему всё это сказано? К тому же бывшим гэбэшником, у которого скрытность и молчаливость должна, по идее, стать второй натурой... Равно как и подозрительность.

Словоохотливый же Архивариус не задал очевиднейшего вопроса: зачем Кравцову результаты изысканий, проведенных для человека, с которым они не были знакомы? Более того, какое вообще право имеет писатель получать результаты оплаченного другим трудом Архивариуса? Нестыковка...

Разве что отношения бывшего чекиста и студента-историка были несколько иными, чем следовало из слов Архивариуса (только из них!).

Валентин мог быть не *заказчиком*. Мог сам выполнять (возможно, *втемную*) некое поручение в «Графской Славянке» – для выполнения которого необходим полный комплект конечностей. И что же – если принять эту версию – сделает Архивариус после смерти исполнителя? Станет искать нового? А может, уже нашел? Вернее, тот сам нашел его...

Ничего из своих подозрений Кравцов не озвучил.

Архивариус пожал плечами:

– Ну что же... Если вас, как и юношу Пинегина, интересуют какие-либо исторические загадки, связанные с дворцом Самойловой (Кравцов кивнул), – то особо порадовать не могу. Здание как здание, жила себе там тихо и мирно разошедшаяся с мужем графиня с приемными дочерьми... Никакого криминала. Никаких мистических легенд – они Пинегина тоже интересовали. Знаете, у меня ведь нет исторического образования... Самоучка. Но опыт прежней работы помогает увидеть свежим взглядом то, что историки-профессионалы не замечают. Нащупать связи между давно позабытыми фактами – пользуясь методами, которым на истфаках не учат. Так вот, заверяю: в истории дворца все чисто. По крайней мере в тех документах, что я поднял – ни единой зацепочки.

Кравцова такое заявление не смутило.

– Допустим... Тогда просветите, почему особняк считается «графини Самойловой»? А где был граф?

Архивариус улыбнулся.

– Тут тоже никакой загадки. Графиня Юлия Павловна по материнской линии происходила из известного рода графов Скавронских, по отцовской (официально) из не менее известного рода фон Паленов. Молодой девушкой она вышла замуж за флигель-адъютанта Императора Николая Первого, за графа Николая Самойлова, – но прожила с ним недолго, и вскоре разошлась, не разводясь... А некоторые *непонятки* в истории рода Самойловых связаны как раз с теми временами, когда Юлия Павловна еще не вошла в это семейство... К тому же все произошло задолго до строительства особняка в «Графской Славянке» и к делу отношения не имеет.

– Как знать, – протянул Кравцов. – С делами минувших дней всякое бывает. Может, пройдемся конспективно по этим *непоняткам*?

– Да ради Бога... Особой чертовщины и мистики я там не нашел – так, два момента, связанные с предками графини и ее мужа... Зато есть один криминальный сюжет, весьма громкий для своего времени. Но, повторюсь, он прогремел за тридцать лет до строительства «Графской Славянки». К тому же имение первоначально принадлежало не Самойловым, но Скавронским и досталось графине в качестве приданого.

– И все же?

– Ну, во-первых, есть легенда: Екатерина Вторая увидела знамение, предвещающее ее смерть, по пути именно на бал в особняке Самойловых – в их городском особняке, естественно. Не то метеор, не то падающую звезду – увидела и сказала, что точно такой знак видела перед самой своей кончиной императрица Елизавета – значит и ей, Екатерине, суждено жить недолго. Вскорости действительно умерла. Вот и вся мистика.

Кравцов вздохнул разочарованно. Действительно, не густо. Фантастический рассказик можно выжать, самое большее. И то если присочинить, что падающая звезда оказалась кораблем галактических пришельцев.

– Я предупреждал – ничего особенного, – сказал Архивариус.

– Но как я понял – Самойловы были придворными первого ряда? Не ездила же Екатерина на балы к кому попало, угоститься на дармовщинку?

– Да уж, – улыбнулся Архивариус. – Генерал-прокурора Сената – а именно этот пост занимал тогда граф Самойлов – «кем попало» назвать трудно...

– А второй эпизод? Подобного же рода? – Кравцов слушал внимательно, делая пометки в блокноте – дабы не запутаться в родственных связях графских родов восемнадцатого-девятнадцатого веков.

– Там скорее не эпизод... Некая смутная тенденция... Дело в том, что графиня Скавронская, мать Юлии Павловны Самойловой, в начале прошлого века... Отставить! Естественно, позапрошлого, – все никак не привыкну... Короче, в начале девятнадцатого столетия она засветилась среди поклонников Лабзина. И он, надо сказать, выделял ее среди толпы пресловутых поклонников. И – внимание! – неоднократно бывал в ее поместье, в «Графской Славянке». Но в старой, еще деревянной усадьбе...

– Простите мою серость – но кто такой Лабзин? Я, к сожалению, пишу не исторические романы.

– О, Александр Федорович Лабзин в свое время пользовался изрядной популярностью! По многим недоказанным подозрениям был он дьяволопоклонник; но совершенно бесспорно – мистик, масон, переводчик трудов западных чернокнижников, драматург, издатель журнала «Сионский вестник»...

Кравцов загрустил. Ну вот, думал он, появился на горизонте «Сионский вестник», а с ним и масоны, сейчас появятся продавшие Россию жида, и последует призыв их бить, а Россию спасать... Старая песня о главном, до тошноты скучная.

Он ошибся. По словам Архивариуса, среди последователей Лабзина лиц иудейского вероисповедания как-то не наблюдалось. Наоборот: одни христиане, почти все русские, больше того – сплошь люди видные: придворные, высшие чиновники, военные в немалых чинах, богатые представители петербургской знати...

– И чем закончился интерес этого Лабзина к графине и ее усадьбе? – спросил Кравцов.

– По-моему, Лабзин просто *не успел* довести задуманное до конца. Им и его окружением *заинтересовались*. История малоизвестная. Дело было так...

Он устроился поудобнее в кресле и рассказал Кравцову действительно малоизвестную историю о деятельности спецслужб старых времен. История предварялась достаточно длинным вступлением, и лишь косвенно касалась графини Самойловой. Тем не менее впоследствии Кравцов изложил ее в письменном виде – вполне могла пригодиться для очередного романа (будут еще романы! обязательно будут!).

– Император Александр I, – начал Архивариус, – был либеральнейшим человеком. Терпимым до глупости...

Предания старины – II

«Умиравший сфинкс». 1809 год

(Рассказ Архивариуса, записанный по памяти Кравцовым. Отдельные – не слишком наукообразные – особенности речи рассказчика сохранены.)

Император Александр I, без сомнения, был либеральнейшим человеком. Терпимым до глупости. Плоды это приносило соответствующие. Достаточно сказать, что ребят, заливших впоследствии кровью Сенатскую, он мог легко и просто прихлопнуть еще в начале 1820-х годов, причем без казней и каторги. Все сведения о тайных обществах будущих декабристов у императора были – вплоть до поименных списков их членов. Отправил бы десяток-другой горячих и скупающих в мирное время офицеров в отставку, разослал бы их по родимым поместьям – глядишь, в одиночестве, не подзуживая друг друга, занялись бы чем-нибудь полезным, плюнув на якобинские бредни.

Ан нет, И кончилось тем, чем кончилось.

Мало того, ряд лет Империя при Александре вообще жила без какой-либо централизованной политической полиции. Едва вступив на престол, он тут же ликвидировал Тайную Экспедицию Сената – не создав ничего взамен. А министром внутренних дел назначил графа Кочубея – молодого либерала и ценителя искусств...

С тем же успехом в наше время можно поставить Новодворскую во главе ФСБ.

В 1809 году, правда, на императора нашло просветление – Кочубея он из министров убрал, и чуть позже учредил Особую Канцелярию – хоть как-то, с множеством ограничений, но заботившуюся о политической безопасности государства. В преддверии решительной схватки с Наполеоном это стало жизненной необходимостью (кстати, главную свою задачу ОК выполнила блестяще – хотя поклонников Бонапарта в русском обществе хватало, к 1812 году почти все потенциальные коллаборационисты были аккуратно, без лишнего шума, *профилактированы*). Тем не менее либералы всех мастей после учреждения Канцелярии подняли визг и вой о «возвращении времен кнута и застенка». И добились-таки своего – в 1819 году Кочубей вновь занял министерское кресло, первым делом настояв на ликвидации Особой Канцелярии. Тут-то и зашевелились декабристы и прочие русские карбонарии...

Так вот, о масонах.

Естественно, в такой обстановке чувствовали они себя привольно, как черви в навозной куче. Только в Петербурге за годы правления Александра возникло свыше двадцати масонских лож. Кстати, император в молодости и сам посещал их собрания. Есть сведения, что в одной ложе, «Des gekronten Pelikans», руководимой неким Розенштраухом, Александр принес-таки вступительную клятву... Информация неподтвержденная, но запретил масонство в России император лишь в 1822 году, – и то указом мягким и до конца не исполненным. После чего, к слову, долго не прожил.

Члены ложи «Умиравший Сфинкс», организационно оформившейся к началу 1800-х годов под руководством Лабзина, масонами себя не называли. Именовались «мартинистами» – производя название то ли от известного мистика-сатаниста Мартинеса Паскуалиса, то ли от не менее известного Луи Сен-Мартена... Разные есть версии, но суть не в том.

Отношение к Лабзину и мартинистам у русского общества было двойственным. У высшего общества, естественно, простой народ и понятия не имел обо всех этих мистических игрищах. Одни считали их безобидными чудиками, совмещавшими детские игры в общение с духами и вполне материалистические карьерные соображения. Другие верили, что Лабзину и вправду кое-что *открыто*... И те и другие, кстати, отмечали его какое-то сатанинское обаяние и умение полностью подчинять людей своей воле. Дословно: «деспотическая духовная сила...»

Как бы то ни было, секта мартинистов стремительно набирала влияние, вербуя все новых и новых членов. И кое-кого это весьма тревожило. (Кого – об этом после.) Естественно, при негласном покровительстве ложам и тайным обществам со стороны императора, ничего в открытую предпринять против «Умиряющего Сфинкса» оказалось нельзя. И тогда с Лабзиным разыграли изящнейшую – аж слюнки текут – *комбинацию*.

Дело было так.

Мартинисты (естественно, в глубокой тайне) ритуалы практиковали страшенькие. Но один случай стал достоянием гласности. В 1809 году некий Вольф, чиновник из обрусевших немцев и активный мартинист, добровольно *уморил себя голодом*. Взял отпуск на службе, заперся в своей комнате, попросив не беспокоить, – благо жил один. Расставил на стол, стулья, подоконник самые аппетитные яства – и медленно подыхал с голоду, на них глядя.

Неизвестно, посетили ли какие черные откровения умирающий мозг и являлись ли в бреду к нему духи, призываемые таким способом... Но мясо со своих пальцев Вольф обглодал, не съев ни крошки хлеба из имевшихся в комнате запасов.

Так вот, был осторожненько *вброшен слух*, что во вскрытой в конце концов комнате найдены предсмертные записки Вольфа, довольно объемистые, – и немедленно конфискованы его начальством (служил бедняга-мартинист в Комиссии по составлению законов). И находится опус на изучении у директора Комиссии Розенкамфа – сей немец обрусел пока недостаточно и с лету разобраться в записках не смог.

Лабзин и мартинисты немедленно задействовали все связи, чтобы получить документ. Надо понимать, опасались, что наружу просочатся опасные сведения об их игрищах...

И получили. Копию, якобы тайком снятую.

Убедились – ничего компрометирующего там нет. Зато хватает мистической чепухи в типично мартинистском духе. Документ немедленно был подвергнут многочисленным толкованиям и стал активно использоваться для обращения прозелитов – как «черное евангелие» от сатаниста-великомученника...

Фокус состоял в том, что записки Вольфа им всучили *подложные*. Мало того что абсолютно бессмысленные, лишь припудренные мартинистской фразеологией – так в тексте оказалась еще зашифрована издевательская эпиграмма на Лабзина – достаточно было прочитать третьи по счету слова в первых фразах.

В нужный момент – когда «евангелие от Вольфа» уже почиталось и конспектировалось мартинистами не хуже «Великого Почина» Ленина – шутку предали гласности (хотя имя истинного автора псевдозаписок осталось в тайне). Над «Умирающим Сфинксом» смеялся весь высший свет Петербурга, хоть и не в открытую, Лабзина многие побаивались. Приток неофитов резко сократился, немало последователей от Лабзина отвернулось (в том числе и графиня Скавронская, мать Юлии Павловны Самойловой) – и «Сфинкс» постепенно стал вполне соответствовать первой части своего названия...

Теперь о тех, кто проводил операцию.

Непосредственным исполнителем, сочинившим фальшивку, был молоденький переводчик упомянутой Комиссии Сережа Аксаков (впоследствии известнейший писатель, автор «Аленького цветочка» и «Семейной хроники»). «Записки Вольфа» стали его первым литературным опытом. А вот кто стоял за спиной Аксакова, можно только предполагать.

Сам Аксаков спустя полвека помянул этот эпизод в своих мемуарах – утверждая, что всё задумал и провернул в одиночку. Благо живых свидетелей акции не осталось.

Верится с трудом.

Во-первых, был Аксаков, мягко говоря, трусоват. Например, в нашествие Наполеона он, двадцатилетний мужчина, не сделал ни малейшего телодвижения, чтобы записаться в армию или хотя бы в ополчение. (Его близкие друзья-литераторы, Вяземский с Загоскиным, немедленно поступили в кавалерию и воевали – хотя Загоскин страдал одышкой и сильной близоручью)

костью.) Аксаков же всю грозу 12 года просидел безвылазно в своем оренбургском поместье... Ну никак не стал бы он ссориться с могущественной ложей, не имея сильного прикрытия.

Во-вторых, в делах политических Аскаков тоже предпочитал держаться подальше от драки. Первый его опыт политической журналистики – фельетон «Рекомендация министра» – стал и последним. Сережу вызвали в III Отделение, вежливо побеседовали, – политику у него как ножом отрезало. Впоследствии писал о своем детстве и родственниках, чуть не поименно вспомнил каждую выуженную рыбку и застреленного куличка – и всё.

Есть версия, что в историю со «Сфинксом» Сережу Аксакова втравил друг детства и соученик по Казанскому университету Панаев. Тот в молодости негласно сотрудничал с одной из самых загадочных государственных организаций в российской истории – с Десятым присутствием Святейшего Синода. О ней практически ничего не известно, лишь глухие намеки между строк, – но можно сделать вывод, что занимались там как раз людьми, активно практикующими сатанистские и мистические ритуалы... Если за спиной Аксакова стояло – через Панаева – Десятое присутствие, то все становится объяснимым.

Интересно поведение Аксакова после того, как издевка над мартинистами раскрылась (даже без упоминания его имени). Он немедленно подал в отставку и уехал из Петербурга в Москву. Но и там не задержался – забился в уральскую глушь, в свое поместье, и почти двадцать лет не было о нем ни слуху, ни духу. Только после жесткого указа Николая I против масонов и прочих лож, сект и тайных обществ (и после смерти Лабзина, умершего незадолго до указа) – Аксаков вернулся и к столичной жизни, и к государственной службе. Наводит на размышления, не так ли?

Писательством же Сергей Тимофеевич занялся позже, на склоне лет. Кстати, упомянутый отрывок из мемуаров под названием «Встреча с мартинистами» – *самое последнее*, что написал и успел напечатать Аксаков. Он умер спустя несколько недель после выхода «Русской беседы», где впервые признался в своем авторстве той давней мистификации... Вполне возможно – простое совпадение, был писатель уже на седьмом десятке. Но любопытное совпадение.

(По окончании рассказа об операции против мартинистов Кравцов спросил: криминальный сюжет, который вы упоминали, – это и есть акция против «Сфинкса»? Архивариус удивился: помилуйте, при чем же здесь криминал? Обычная спецоперация политической спецслужбы. Криминал случился чуть раньше...)

Глава 2

14 июня, суббота, день

1

– Точно Гном уехал? – спросил Вася-Пещерник. Был он пареньком осторожным и рисковать без надобности не любил.

– Уехал, уехал, – подтвердил Борюсик. – Сам видел, как в автобус садился. До ночи не вернется.

В последние дни он, снedaемый жаждой мести, установил за Гномом форменную слежку. Никаких интересных результатов наблюдение из кустов не принесло, и Борюсик делал главную ставку на сегодняшнюю экспедицию.

– Ну тогда потащили, – без излишнего энтузиазма сказал Пещерник. Денек выдался жаркий, путь с изрядным грузом предстоял неблизкий, а особых причин для ненависти к Гному и для визита на остров Вася не имел.

И они потащили.

Одну *конструкцию* – была она громоздкой, но не тяжелой – подняли Даня и Пещерник. За вторую с одного конца взялся Борис, с другого – обе девчонки, Женька с Альзирой. Пятёрка вновь выступила в поход в полном составе.

...Васёк Передугин, он же Пещерник, подошел к решению проблемы неторопливо и вдумчиво. Совершил вместе с Борюсиком разведывательный рейд на «болотце», осмотрел и лабиринт фальшивых гатей, ведущих в самые топкие места, и озерцо, примыкавшее к острову с другой стороны – глубина воды в водоемчике оказалась сантиметров пять-шесть, редко где чуть глубже, – но дно состояло из топкой жижи. Ни вплавь, ни на плоту к тайной резиденции Гнома отсюда было не подобраться.

Первую пришедшую в голову Ваську идею; установить на «болотце» постоянное наблюдение и проследить маршрут Гнома, – приятель отверг сразу же. Борис и сам об этом подумывал, но... Но способные укрыть человека кусты и деревья поблизости от топкого лабиринта не росли. Замаскированный окопчик тоже не выроешь – любая ямка мгновенно заполнялась водой. Возможно, делу пособил бы сильный бинокль, – но подобной оптикой ни приятели, ни их родители не владели. И денег на покупку не было...

Тогда Пещерник, не мудрствуя лукаво, предложил построить *свою* гать... Рейсы за потребными досками и жердями времени займут немало, но надежнее ничего не придумаешь.

Борюсик отверг и эту мысль. Незаметно такую стройку не начнешь и не закончишь. Незванный визит на остров должен остаться тайной для Гнома. Предупреждение, прозвучавшее на скотном выгоне, Боря воспринял более чем серьёзно.

Васёк обещал подумать ещё. Думал он два дня. И придумал-таки...

На гениальную идею Пещерника натолкнул древний брошенный полуприцеп-рефрижератор, доживающий последние дни на пустыре возле фабрики «Торпедо». Одно время там квартировал мальчишеский штаб – сидели вдали от глаз докучливых взрослых, болтали о том о сем, пели песни под разбитую гитару да покуривали тайком от родителей.

Некогда оживленное местечко ныне пришло в запустение. Выяснилось, что обшивка крыши и стенок полуприцепа (толстенный пенопласт с металлопластиковым покрытием) – отличный материал для всевозможных целей. Рефрижератор медленно, но верно превращался в лишенный плоти скелет. Но два листа пенопласта Пещерник и его друзья для своих нужд позаимствовать успели. Два практически готовых плотика...

Поначалу Васин прожект вызвал дружное недоумение: мол, ты сам же видел, что по озерцу на плоту не проплыть, даже на таком легком!

Пещерник объяснил: надо плыть па плотике – вернее, на связке из двух – только там, где чуть поглубже. А на мелких топких местах использовать на манер секций плавучего понтонного моста – экипажу перейти на переднее звено, заднее поднять, благо вес невелик, переложить вперед, перейти на него... и так далее, до победного конца. После короткого обсуждения план приняли к исполнению.

...Спасовку они обошли стороной: долго шагали по разбитой тракторами дороге меж совхозных полей, потом, срезая путь, пересекли совхозный же яблоневый сад – благо сторожей в июне опасаться не стоило. Никого пятерка разведчиков не встретила, и досужих вопросов: а куда это вы собрались? – не прозвучало.

Затем начались примыкающие к «болотцу» луга-покосы, трава тут была так себе, и косили спасовцы ее урывками, на отдельных пяточках... Никто не встретился и здесь. Ну а потом уже случайная встреча не грозила – никто и ни за чем в июне на «болотце» не ходил.

Даня опасался встречи неслучайной... Мало ли что у Гнома может стрястись на работе? Изредка мальчик локтем (руки были заняты) проверял заткнутую за пояс рогатку – не выпала, не потерялась ли? Рогатка оставалась на месте...

Наконец дошли. Сразу к исполнению плана не приступили – больно уж вымотались за долгую дорогу, хоть и отдыхали три раза. Посидели на плотиках, брошенных на топком берегу, поболтали ни о чём, – отчего-то говорить ни об острове, ни о Гноме никому не захотелось... Дане показалось, что все его компаньоны уже жалеют, что ввязались в это мероприятие. Все, кроме Борюсика.

Именно он первым поднялся на ноги со словами:

– Ну что, начинаем?

Начали. Плюхнули у берега первый плотик, и тут...

И тут выяснилось, что главный инициатор акции участвовать в ее завершении не сможет. По прозаической причине избыточного веса. Плотик, по прикидкам Пещерника, с запасом мог выдержать двух человек. Но край, на котором оказывался Борюсик, немедленно зарывался в соду, создавая опасный крен. Конечно, он мог стоять и посередине, широко расставив ноги, – тогда подобие равновесия сохранялось. Но поднимать и перекидывать вперед второе звено конструкции из такого положения оказалось невозможно.

– Поплывем мы с Васьком, – решил Даня.

Борька покраснел, насупил. Тяжело дышал, пару раз подозрительно шмыгнул носом, метал взгляды исподлобья. Хотел что-то придумать, как-то возразить, – но ничего в голову не приходило.

Даня подошел, обнял его за плечи, мягко повлек в сторону. Заговорил тихонько, на ухо:

– Прикинь: вдруг Гном заявится? Мало ли что? Может, его магазин сегодня ночью сгорел, или что он там охраняет... На кого я девчонок оставляю? На Ваську? Он и драпанет, как в тот раз из пещеры... На плоту быстро не вернуться, если что – на тебя все надежда. Рогатка с собой?

– С-с собой... – Борюсик еще раз по инерции шмыгнул носом, но видно было: настроение его резко пошло в гору. – И шариков полный карман.

– Ну так заступай на пост. Головой отвечаешь!

К остальным Борис вернулся совершенно иным. Расправил плечи, подтянул живот, поглядывал по сторонам цепким, настороженным взглядом. И недоумевал: как же он не додумался захватить рогатку перед разговором с Гномом на выгоне? По-другому всё могло повернуться, совсем по-другому...

Тем временем придуманное Пещерником средство передвижения отправилось в свое первое «грязеплавание». Весь путь занял около получаса. Наконец мальчишки вскарабкались на остров – здесь его обрывистый берег метра на полтора возвышался над поверхностью.

– Вау!!! Есть контакт! – Вася обернулся, помахал рукой девчонкам и Борюсику. И тут же нырнул в кусты.

Даня настороженно поглядывал по сторонам. Он был лучше знаком с «хозяином острова» – и, прежде чем последовать за приятелем, достал рогатку и приготовил стальной шарик.

– Вот это да... – удивленно ахнул невидимый за зеленью Пещерник.

Через несколько секунд Даня присоединился к нему, изумленно застывшему на месте. Встал рядом, задумчиво почесал затылок рогаткой... Слов у него не нашлось.

2

По окончании рассказа Архивариуса об операции против мартинистов Кравцов спросил:

– Криминальный сюжет, который вы упоминали, – это и есть акция против «Сфинкса»?

– Помилуйте, при чем же здесь криминал? Обычная спецоперация политической спецслужбы. Да и к матери графини Самойловой имеет лишь косвенное отношение. Криминальный сюжет, о котором я говорил, – громадное по масштабам хищение в Заемном банке, случившееся на рубеже царствований Екатерины и Павла Первого. То есть случилось-то оно раньше, но вскрыто было в последние месяцы жизни Екатерины, а расследование завершилось при Павле. Из запертых сейфов, стоявших в опечатанных комнатах банка, бесследно испарилось более шестисот тысяч рублей.

Кравцова размер суммы наповал не сразил.

Архивариус пояснил:

– Дойная корова стоила тогда меньше трех рублей. Сейчас – от трехсот до пятисот долларов. Можете прикинуть, сколько это по нынешнему курсу.

Кравцов прикинул. В коровах, даже в трехсотдолларовых, получилось изрядно.

– Естественно, дело расследовалось. Следствием руководил сам Державин. Его у нас помнят в основном как поэта, благословившего – сходя в гроб – юного Пушкина. Но поэзия была для Гавриила Романовича увлечением, а прослужил всю жизнь он по министерству юстиции, начав карьеру с расследования дела самозванца Пугачева, – и дослужился до чина действительного тайного советника,⁵ поста министра и звания сенатора... Так вот, следствие показало: в хищениях по уши увязла вся банковская верхушка. Но директором банка служил не какой-нибудь Мавроди, а князь Завадовский. Императрица обвинительное заключение порвала, отправив дело на доследование в Сенат. Повторное следствие очистило руководство от подозрений, нашло козлов отпущения – кассира Кольберга и еще пару мелких сошек, с которыми и обошлись по всей строгости. Из похищенного вернули лишь сорок тысяч, да еще на столько же конфисковали бриллиантов у жен осужденных. И среди современников ходили упорнейшие слухи – что Завадовскому и его сообщникам пришлось *поделиться*. Теперь угадайте, господин писатель, с трех раз: кто руководил вторым следствием?

Господин писатель бросил взгляд на блокнот, куда записывал услышанные от Архивариуса фамилии и факты, прикинул даты и бодро оттрапортовал:

– Граф Самойлов, генерал-прокурор Сената!

– Именно он.

– Напрашивается версия, – сказал Кравцов. – Получив в качестве взятки большие деньги – многие миллионы долларов на наши деньги – граф открыто их тратить не смог. Зарыл у себя в поместье, в ожидании, пока дело не забудется, – но скоропостижно умер. А Лабзин, обхаживая графиню-вдову, искал подходы к графскому кладу.

⁵ Действительный тайный советник – в табели о рангах Российской империи гражданский чин II класса, выше его (I класса) был только канцлер.

– Неплохо, – одобрил Архивариус. – Для авантюрно-исторического романа – неплохо. Но не жизненно. Во-первых, налоговой полиции тогда не существовало, да и дворяне были вообще освобождены от налогов. За их расходами никто не следил. Вот если бы какой-нибудь крестьянин Ванька Козолупов пришел в кабак разменять золотой империял – тут же повязали бы и поволокли на съезжую. Графа и сенатора никто об источнике трат никогда не спросил бы. Думаю, Лабзина в «Графской Славянке» интересовало нечто иное...

Архивариус сделал паузу.

Может, так оно и было, подумал Кравцов. Может, *иное* заключается в *месте*, а не в самом дворце, построенном позже. И пережило это *иное* и великосветского мистика Лабзина, и старуху-графиню... Но легче и спокойнее считать, что мартинист-чернокнижник искал в «Графской Славянке» банальные деньги.

– А во-вторых, – продолжил Архивариус, – вы немного подзапутались в графских семействах. «Славянка» принадлежала Скавронским – с чего бы вдруг генерал-прокурору Самойлову прятать деньги в имении семьи, породниться с которой его потомкам предстояло спустя тридцать лет?

Кравцов внес поправку в записанные фамилии и соединяющие их стрелочки. Но правоту собеседника признать не спешил, кое-что вспомнив... И продолжал настаивать:

– Тем не менее есть вещи, о которых в архивах не вычитаешь. В Интернете тем более. Говорю вам совершенно точно: во времена моего детства все еще ходили слухи о графском кладе – так до сих пор и не найденном. Местонахождением его называли когда дворец, когда графский пруд. А по словам деда, в двадцатых и тридцатых годах любимым досугом местной молодежи было нырять в пруд и ощупью шарить в донной тине. И прочесывать дно баграми и «кошками». Вроде бы перед войной пруд спускали, чтобы проверить все эти слухи... Подробности я не помню, но, думаю, ничего не нашли, – раз слухи не угадали.

– Вы можете там, на месте, попробовать выяснить подробности, – сказал Архивариус без всякого энтузиазма. – А я могу поискать им подтверждение в архивах... Но уверен – пустышка. Мне кажется, здесь не нужны никакие реальные факты для зарождения легенд. Сам антураж – развалины особняка, старинный парк с прудом – будет их генерировать. Без всякого повода появятся легенды о замурованных в стену сундуках с золотом...

– Точно! – вспомнил вдруг Кравцов. – Сундук! Еще пятнадцать лет назад в подвалах дворца стоял – а может, и сейчас стоит – железный сундук. Здоровенный, метра два в длину, больше метра в высоту, а в ширину... не помню, но еще тот монстр. Потому, наверное, на месте и остался, – лестницы засыпаны, а через проломы пола не вытащить. Весь проржавевший, головки заклепок – как половинки от грецких орехов.

– Интересно... – равнодушно сказал Архивариус. – Сундук был замурован в стену?

– Нет, стоял рядом с ней. В торцевой стенке сундука – огромная дыра, и еще много дыр, поменьше. Внутри – пусто, не мы первые, естественно, его находили.

– Ну вот видите. Возможно, та подвальная комната и была в оные времена «кубышкой» Самойловой – но давным-давно опустела. После революции ее взломали, убедились: ничего нет! – и поползли слухи, что сокровища утоплены в пруду или зарыты в парке.

– Слишком открыт и всем доступен тот подвал для «кубышки»... – усомнился Кравцов.

Архивариус не смутился:

– До войны и до разрушения дворца, я полагаю, попасть к сундуку было отнюдь не просто.

– Кстати, о разрушении дворца... – сказал Кравцов. – У вас есть сведения о том, как он превратился в руины?

Архивариус нажал кнопку на пульте управления креслом (оно откатилось на полметра от стола) и скрестил руки на груди. Точь-в-точь, как перед рассказом о Лабзине и мартинистах.

Кравцов понял, что ему предстоит выслушать очередную длинную историю, – и ошибся.

– И здесь нет никаких загадок, – начал Архивариус. – Во время войны и блокады Ленинграда во дворце Самойловых располагался штаб добровольцев Франко – испанской «Голубой дивизии»...

– Извините... – перебил Кравцов, доставая из кармана запищавший мобильник. – Алло? В трубке зазвучал спокойный и трезвый голос Пашки-Козыря.

3

– Вот это да... – повторил Пещерник.

– Ну и зачем ему эта фиговина? – риторически спросил Даня.

«Фиговиной» он назвал небольшой, сколоченный из потемневших досок помост. С одной стороны его обрамляла вертикальная стенка, тоже дощатая. Помост украшали достаточно странные конструкции. Стоял там винтовой пресс с массивной станиной – венчающее его колесо парни не смогли провернуть даже совместными усилиями – приржавело намертво.

Присутствовало колесо и в другом, вовсе уж непонятном сооружении – обычное тележное, насаженное на горизонтальную ось с ручкой, позаимствованной, похоже, с колодезного ворота. Пещерник крутанул – колесо неохотно, с мерзким скрипом пришло в движение.

Третий предмет понравился Дане и Ваську еще меньше. Старая борона, аккуратно разрезанная ножовкой ровно пополам – и соединенная по линии разреза несколькими дверными петлями. Надо понимать, неприятно выглядевшее орудие должно было схлопываться острыми длинными зубьями внутрь. Должно было – но давненько не схлопывалось, петли тоже съела ржавчина.

Даня помрачнел. Сказал негромко:

– В интере-е-е-сные игрушки тут Гном играет. Может, и не зря Борька на него грешил: мол, кошку украл и замучил...

Пещерник не согласился:

– Не-а-а... Не играет. Давно уж наигрался...

– Может, у него тут что поновее имеется? Давай-ка поищем.

Поискали. И нашли – на другом конце той же полянки.

Неглубокую яму в земле прикрывала металлическая решетка. На дне – пепел, головешки, причем на вид свежие, не пролежавшие зиму.

– Никак тут Гном шашлык жарил? – предположил Пещерник. – Даже не шашлык, а... блин, забыл, как америкашки это называют... смешное такое слово...

– Барбекю... – машинально подсказал Даня. – Барбекю из Борькиной Кути...

– Да ну, брось! – махнул рукой Вася. – Двадцать лет мужику стукнуло... Стал бы он ради какой-то кошки такой огород городить? Разве что с другими отморозками козленка с выпаса умыкнул. Ну и сожрали тут под водяру...

– Не пьет Гном водяры... – так же машинально возразил Даня.

Но дальше спорить не стал. Снял с ямы решетку, стал шарить в куче золы и головешек. Пещерник, потеряв интерес к жаровне, продолжил исследование полянки, – вдруг да обнаружится еще что-то любопытное?

Кое-что нашли оба. Даня откопал-таки пару маленьких косточек – но совершенно неопознаваемых. Могли они принадлежать и украденному с выпаса козленку, и пропавшей кошке Куте, и вообще кому угодно... Для более крупных отходов Гном мог использовать безразмерное хранилище – болотную топь.

Вася же натолкнулся еще на одну яму, свежеврытую. Никаких следов костра в ней не было, но рядом стояла аккуратная небольшая поленица, столь же аккуратно прикрытая от дождя старым рубероидом. Но самое интересное – яма была выкопана в форме правиль-

ного пятиугольника. Размер его оказался несколько меньше, чем у деревянного, хранившегося неподалеку, в шалаше.

– Что-то новенькое наш Гном тут изобрел, – задумчиво сказал Даня. – Новенькое и гнусенькое...

Теперь он был вполне согласен с Борюсиком. Самые дикие предположения того об уединенных занятиях Гнома на острове уже не казались плодами богатой фантазии.

Вспомнив о приятеле, поджидавшем их на берегу в обществе девчонок, Даня взглянул на часы. Изумился:

– Слу-ушай, мы ж тут больше двух часов валандаемся! Наши там небось с ума сходят: исчезли, и ни слуху ни духу...

Они вернулись к плотикам. Но сходящего с ума Борюсика на противоположном берегу не увидели. Как, впрочем, и Альку с Женей.

– Смылись, не дождались... – неуверенно предположил Пещерник.

Помрачневший Даня ответил после долгой паузы, когда плотик изрядно удалился от острова:

– Не похоже, что смылись. Борька на Гнома злой, хоть весь день тут проторчит... Да и поорали бы, прежде чем уйти, попробовали бы до нас докричаться. Не нравится мне это...

– Да ну, брось... Устали на мокром стоять, отошли, где посуше...

Причалили. Пробравшись сквозь редкий прибрежный тростник, Даня взобрался на кочку, ходуном заходившую под ногами, посмотрел во все стороны.

Бориса и девчонок не было.

Нигде.

4

Дорога от Царского Села до Спасовки при наличии собственного автотранспорта много времени не занимает. Но неподалеку от Павловска «ниву» остановил опустившийся буквально перед носом – вернее, перед радиатором – шлагбаум. Пришлось пропускать еле-еле тащившийся пассажирский поезд, подползавший к переезду. Кравцов подумал, не сделать ли крюк в сторону, где дорога ныряла под железнодорожную насыпь – и решил, что не стоит. По времени так на так и получится, в лучшем случае.

Решение оказалось ошибочным. Когда последний вагон прокатил мимо, шлагбаум не поднялся – с другой стороны приближался товарняк, вовсе уж летаргический. Господин писатель сплюнул в опущенное окно «нивы», пожалел, что не поехал в объезд сразу, – и намерился ждать до победного конца.

Зато появилось время подумать: и о недавней беседе с Архивариусом, и о звонке Козыря, ее оборвавшем.

Странное дело: уже второй раз Пашка словно шестым чувством определяет намерение Кравцова покопаться в старых секретах «Графской Славянки» – и препятствует, чем может. В первый раз даже доехать до Архивариуса не удалось, сорвавшись по тревожному звонку Козыря. А сегодня...

...Сегодняшний телефонный разговор с Пашкой не затянулся. Предприниматель Ермаков ни словом не помянул свои недавние пьяные ночные откровения. Равно как и демонстративный возврат «Антилопы». Про то, где отсутствовал несколько дней, тоже не заикнулся. Спокойным ровным тоном проинформировал, что ждет Кравцова в своем спасовском доме – надо, мол, встретиться и поговорить, не по телефону, – причем как можно скорее. Прозрачно намекнул, что речь идет о безопасности Наташи и детей. Второй намек оказался более завуалирован. Кравцов понял так: Сашок каким-то образом вышел на контакт с Козырем и уль-

тимативно потребовал нечто, что Пашка отдать ему никак не может, ибо сам не имеет. Надо думать, разменной монетой в этом торге стали жизни Наташи и мальчишек...

Этого оказалось достаточно.

Пришлось торопливо распрощаться с Архивариусом. Впрочем, тоненькую папочку с результатами отработки пинегинского запроса Кравцов забрал. Договорился о продолжении исследований, внес необходимую оплату (все-таки до чего же вовремя подошли гонорары)...

Он сидел в машине, невидящим взглядом смотрел на ползущие мимо вагоны, и размышлял над более чем странным совпадением: имели места два визита к Архивариусу – один намеченный, другой таки состоявшийся. И оба оборвал своим звонком Козырь. Причем и в тот и в другой раз использовал, пожалуй, то единственное, что могло заставить Кравцова бросить всё: информацию о смертельной опасности, грозящей Наташке.

Допустим, в первый раз всё было без дураков, всё всерьез. Но сейчас... Вскоре после известных событий Пашка напрочь исчез – Кравцов, по крайней мере, его разыскать не смог. А Сашок, значит, сумел. Ладно, допустим и это: уехав или затаившись, Пашка действительно оставил канал для экстренной связи – на случай, если объявится похититель жены и детей. Пусть так. Но отчего-то не верилось, что раненый Сашок, чудом унеся ноги с «Графской Славянки», успел так быстро оклематься, и разработать новый план, и начать приводить его в исполнение...

Не раз в деталях вспоминая их схватку на руинах, Кравцов пришел к выводу: его противник тогда лишился левого глаза, не больше и не меньше. Брошенный складной нож ударил по лицу плашмя – и штопор, торчащий в том месте из рукояти, никак не смог бы воткнуться ни в скуловую кость, ни в надбровную, – сразу бы отскочил...

Даже если Сашок умудрился ничего не повредить, рухнув с десятиметровой высоты на каменные обломки (что тоже маловероятно) – все равно не верится, что он тут же ринулся в новую авантюру... Не в его характере. В первый раз, например, выжидал три года.

На ум все чаще приходил другой вариант: Пашка повторил один раз уже сработавший трюк – чтобы как можно быстрее вытащить Кравцова от Архивариуса. Чтобы не дать услышать что-то важное.

Но что?

Здесь, у переезда, он успел просмотреть полученную папочку. Там в письменном виде, но чуть более развернуто, повторялось почти все, рассказанное сегодня Архивариусом. Единственным исключением стала история об операции против «Умирающего Сфинкса» – о ней в бумагах не было ни слова. Судя по имевшим место интернетным ссылкам, большая часть информации оказалась скачана именно из Сети. Лишь в конце страниц, посвященных давнему хищению в Заемном банке, указывались архивные, бумажные источники информации.

Неужели Валя Пинегин был убит (если все-таки он не стал жертвой несчастного случая) для того, чтобы не смог заполучить эти бумаги? Сомнительно...

Да и вообще вся рассказанная Архивариусом история о взаимоотношениях со студентом *попахивает* ...

Сомнения, охватившие Кравцова еще во время визита, вернулись. Архивариус оказался словоохотлив – подозрительно словоохотлив, учитывая его биографию – но ничего по-настоящему важного не сказал. (И много чего *не спросил*, кстати...) Вручил документы, которые можно составить, повозившись недолго с поисковыми системами Интернета... Почему, кстати, Пинегин сам этого не сделал? Не имел компьютера с доступом в Сеть? Не причина, всевозможные интернет-клубы, интернет-залы и интернет-кафе всегда к услугам... Не знаешь как – объяснят и помогут...

Есть подозрение, что Архивариус вручил пустышку, не слишком тщательно сработанную.

Но зачем?

Избавиться от докучливого гостя можно куда проще – просто-напросто отказаться от встречи. Какой-то интерес у экс-гэбэшника к господину писателю таки был, сомнений не остается. Но в чем суть пресловутого интереса? Загадка...

Ясно одно: Козырь о содержании их беседы мог лишь догадываться – если допустить, что сам факт ее проведения стал Паше как-то известен.

И подумать г. Ермаков мог всё, что душе угодно. Но что бы он там ни думал (да и думал ли вообще?), – однако позвонил, оборвав Архивариуса на полуслове.

Пожалуй, этот звонок и есть та печка, от которой стоит начать танец. Если выяснится, что намеки и недосказанности Козыря ничего за собой не скрывают, то...

Раздавшийся сзади возмущенный звук клаксона оборвал размышления. Кравцов спохватился и тронул машину с места – шлагбаум уже с полминуты как поднялся...

Он ехал в Спасовку, и не знал, что Архивариус, едва они распрощались...

5

...Архивариус, едва они распрощались, подъехал на своем агрегате к окну: внимательно наблюдал, как Кравцов садится в машину, как трогается с места...

Затем Архивариус сделал то, чего не делал уже несколько лет. Подкатил к столу, достал из ящика непечатую сигаретную пачку, с хрустом сорвал целлофан. Закурил. Обычно напрочь отвыкший от никотина организм после первых затяжек испытывает легкое опьянение, *пльвет*, – но Архивариус не ощутил ничего подобного. А может, табак за годы выдохся.

Курил долго, мрачно, сосредоточенно. Вторую сигарету прикурил прямо от первой... Пепельница, предназначенная для гостей, стояла на другой стороне громадного стола – Архивариус объезжать его не стал, стряхивал прямо на пол.

Потом он проделал несколько быстрых манипуляций с клавиатурой и «мышью» и долго изучал возникшее на экране изображение. На старой черно-белой фотографии – лишь недавно отсканированной и перенесенной на компьютерный диск – была «Графская Славянка». И – Архивариус. Молодой, улыбающийся, снятый на фоне развалин. Не сидящий на коляске – стоящий на двух ногах...

Всё возвращалось.

После первого визита Вали Пинегина Архивариус подумал: совпадение. Случайность, вполне объяснимая избранной им новой профессией. По крайней мере Валя понятия не имел, что расследованием загадочной гибели его отца, «черного следопыта» Станислава Пинегина, занимался именно Архивариус. И что это расследование стало последним в его гэбэшной карьере.

И вот сегодня пришел Кравцов...

Архивариуса, при всем его скептицизме, не оставляло чувство – из прошлого, из пятнадцатилетнего далека, к нему вновь тянется *нечто* – то, чему он не смог дать даже мысленного названия, что давно сам для себя объявил видениями, галлюцинациями и посттравматическим бредом...

Ему игра казалась доигранной, и Архивариус давно смирился со своим проигрышем. Похоже, кто-то (но кто? кто???) считал иначе.

Из того же ящика, что и сигареты, Архивариус достал талисман – старый, потемневший пятак. Подбросил над столом, загадав: если выпадет орел, то придется... Монета упала ребром, быстро покатила по лакированной поверхности, свалилась на пол.

Перегнувшись с кресла, Архивариус пригляделся и вслух выругался: пятак лежал решкой.

Впрочем, это уже ничего не меняло.

Предания старины – III

Голубая дивизия. Лето 1943 года

Для себя Хосе сразу окрестил особняк замком, хотя тот ни в малейшей мере не напоминал замки родной Андалусии: ни тебе зубчатых стен, ни устремленных к небу башен, ни рва с подъемным мостом...

Так он и записал в походном своем дневнике: «Под штаб Команданте занял старинный замок русской аристократки. Картины, статуи, парк с прудом... Красиво».

Надо сказать, что замки оставшейся за тридевять земель родины Хосе Ибаросу приходилось наблюдать лишь издали. Аристократы не спешили приглашать в гости паренька из многодетной рабочей семьи...

И на Хосе произвело сильное впечатление внутреннее убранство дворца «графини Литта» – так былую владелицу особняка именовали с легкой руки очкарика-Энрикеса, где-то вычитавшего про романское происхождение аристократки.

Именно Энрикес, всюду сующий свой нос всезнайка, завел с Хосе разговор о подземельях дворца:

– Ты знаешь, что на самом деле делает в подвалах Кранке? И его люди?

Хосе неопределенно пожал плечами. Соваться в дела оберштурмбанфюрера Кранке ему не хотелось совершенно.

Официально тот числился представителем рейха при штабе Команданте (или, иначе говоря, генерала Инфантеса, командира «Голубой дивизии»). И ни в коей мере начальником для Хосе не являлся.

А на деле...

Лучше не связываться.

Коли посчастливилось оказаться при штабе, пусть и на десятых ролях, – после четырех месяцев, посвященных выживанию в аду, на передовой, – так уж сиди и крепче держись за теплое место. После неполного года, проведенного в России, желание Хосе мстить русским за родню, погибшую в ходе Освободительной войны, несколько поулегло...⁶

Поэтому Хосе ничего не ответил. Пожал плечами и постарался изобразить мимикой, что данный вопрос его ничуть не интересует. Меньше знаешь – крепче спишь.

Но Энрикеса явно распирала информация и желание поделиться ею. Водилось за ним такое.

– ОНИ ТАМ ЧТО-ТО КОПАЮТ! – объявил очкарик с самым таинственным видом.

– И что же? Бомбоубежище? – против воли втянулся в ненужный разговор Хосе.

Вопрос о бомбоубежище не был праздным. Несколько раз русские самолеты, пытаясь прорваться к узловой станции Антропшино и натолкнувшись на плотный заградительный огонь зениток, вываливали бомбы в стороне. В непосредственной близости от «замка» не упала ни одна, но берега извивавшейся под горой речушки – совсем неподалеку – испещряли свежие воронки. Во время авианалетов нынешние обитатели графского дворца спускались в подвал, но его выложенные из старинного кирпича своды не казались Хосе надежными. Сто лет назад, когда строился особняк, никто и подумать не мог, что с неба может падать воющая железная смерть, играючи пробивая крыши и перекрытия...

Услышав версию о бомбоубежище, Энрикес усмехнулся презрительно.

– О, Дева Мария, спаси и сохрани от идиотов! Скажешь тоже! Зачем убежище копать втайне? Пригнать взвод саперов – за три дня все сделают.

⁶ «Освободительной войной» сторонники генерала Франко называли Гражданскую войну в Испании (1936-39 гг.).

Услышав про «тайны», Хосе тут же плотно сжал губы. Не нужны ему эсэсмановские тайны... Абсолютно не интересуют.

Но Энрикеса было уже не остановить. Он повлек вяло сопротивлявшегося Хосе в сторону, за кусты – очевидно, некогда подстриженные ровно, по линейке, а ныне разросшиеся буйно и неухожено. Жарко зашептал в ухо, показывая в сторону дворца:

– Видишь вон окна, да? Там, в бывшей бильярдной, радисты с шифровальщиками спят. А дальше коридор, в самом его конце закуток без окон есть – не знаю, что там раньше было, но койки для меня и Родриго едва поместились... Понял?

– Что понял?

Разговор все меньше нравился Хосе. Хотелось уйти, но он не решался оттолкнуть преграждавшего дорогу Энрикеса. Как-никак фельдфебель, начальство... Хотя сам очкарик своим чином не кичился. В военные переводчики Энрикес угодил напрямиком с университетской скамьи – из-за каких-то своих, неизвестных Хосе прегрешений решил послужить вдали от дома в добровольческой дивизии. И держался что с рядовыми, что с другими унтерами со студенческим панибратством.

– Что, что... – глумливо передразнил Энрикес. – Скажи, ради Святого Яго, – в Андалусии все такие кретины? У всех мозги от южного солнца так плавятся?

Хосе мысленно плюнул на субординацию и повернулся к фельдфебелю спиной. Кретин так кретин – вот и иди, поищи умных слушателей.

Энрикес сообразил, что слегка перегнул палку. Положил руку на плечо, заговорил поиному, спокойно и доверительно:

– Получается, что тут, на первом этаже, только мы с Родриго спим – над той частью подвала, что облюбовал себе Кранке. Облюбовал – и никого туда не пускает.

– И что? – обернулся Хосе, против воли заинтригованный. Все-таки на восемнадцатом году жизни аромат тайны весьма привлекателен...

– Родриго спит, как сурок, а вот я... Я слышал снизу по ночам ЗВУКИ.

Последнее слово переводчик произнес самым интригующим тоном.

– Какие? – не удержался от вопроса Хосе.

– Негромкие... Словно постукивает кто-то... А порой вроде как скребется... Камень долбят, не иначе.

Он выдержал паузу и добавил громким драматическим шепотом:

– Клад ищут!

Тут Хосе опомнился. Врет очкарик или нет – какая разница? Если Кранке действительно ищет клад, да еще и тайно, без ведома Команданте, – тогда тому, кто про это узнал, не поздоровится. А не ищет – тогда не поздоровится тому, кто выдумал историю. И, вполне возможно, – тому, кто ее слушал, развесив уши...

И рядовой Хосе Ибарос уже не просто плюнул на субординацию – смачным пинком отправил ее куда подальше. Заодно отпихнул фельдфебеля, загораживающего выход из укромного, скрытого кустами уголка. На ходу фыркнул:

– Пей на ночь меньше – не будут звуки чудиться!

Никогда и ни о чем не вести разговоров с Энрикесом, – постановил Хосе, уходя. Мысль была здравая. Но, как выяснилось, запоздала.

* * *

Трезвая мысль – держаться от Энрикеса подальше – пришла явно с запозданием. Потому что в тот же день, ближе к вечеру, желание побеседовать с Хосе изъявил сам Кранке...

О чем? Почему? Не было у оберштурмбанфюрера СС никаких причин для беседы с тихим и незаметным рядовым из штабной охраны... Он и имя-то солдатака наверняка не знал,

и никак иначе не отличал, скользил при случайных встречах равнодушным взглядом. Не было причин...

Точнее, одна-единственная имелась.

Утренний разговор с Энрикесом.

Хосе после обеда стоял на посту – снаружи, у входа. Там промежутки между колоннами портика заложили мешками с песком, выставили два станковых пулемета. И, сменяясь, дежурили восемь человек.

Кранке – высокий, моложаво выглядевший блондин – появился вместе с разводящим, унтер-офицером Манильо. Последний и обратился к Хосе, по уставу, казенным голосом, как никогда не стал бы обращаться в отсутствие эсэсмана:

– Рядовой Ибарос! Приказываю сдать пост! И немедленно отправиться с господином оберштурмбанфюрером! Выполнять все его приказания!

– Слушаюсь... – выдавил из себя побледневший Хосе. И добавил вовсе не уставное: – А 3-3-зачем?

Эсэсман стоял рядом, равнодушно глядя куда-то вдаль. Лицо с тонкой ниточкой усов и старым шрамом на левой скуле застыло неподвижно. Казалось, он ни слова не понимает из разговора унтера с рядовым.

– Отставить вопросы! – рявкнул Манильо. – Исполнять!

– Слушаюсь... – Хосе вздернул дрожащую руку в фалангистском приветствии.

Кранке, не сказав ни слова, развернулся. Коротким и небрежным жестом показал: следуй за мной, дескать... И размеренно пошагал внутрь особняка.

Поднимался оберштурмбанфюрер по парадной лестнице на второй этаж по-прежнему молча. Лишь негромко поскрипывали сапоги да португеза. Хосе тащился сзади на ватных, подгибающихся ногах.

Ничего особо страшного в апартаментах Кранке не обнаружилось. Ни стола с разложенными орудиями пыток, ни автоматчиков, готовых расстрелять рядового Ибароса. Небольшая комната: стол, два кресла, диванчик в стиле ампир. Шикарный вид из окна на речную долину. Прикрытый занавеской дверной проем, ведущий, надо думать, в спальню.

Но мирная обстановка отнюдь не успокоила Хосе. Потому что, едва за ними закрылась дверь, Кранке произнес самым светским тоном:

– Присаживайтесь, сеньор Ибарос. Вина? Сигару?

Сеньор Ибарос не присел – прямо-таки рухнул в кресло.

* * *

Вино, судя по густо покрытой пылью и паутиной бутылке, оказалось отменное. Скорее всего. Потому что вкуса и букета Хосе не почувствовал. Сигару же он закурить не решился, да Кранке и не настаивал...

По-испански оберштурмбанфюрер говорил отлично – ни малейшего следа лающего немецкого акцента. Напротив, в речи эсэсмана чувствовалось классическое кастильское произношение.

– Как вы понимаете, сеньор Ибарос, я не имею формального права вам приказывать. И могу лишь просить помочь мне в проведении одной важной для нашей общей победы операции. Если после предварительной беседы я решу, что вы пригодны для ее выполнения, – то в случае успеха вас ждет немалая награда и самые блестящие перспективы. Вы, естественно, вольны отказаться. Служить делу фюрера и каудильо можно где угодно... В окопах на фронте, например.

Хосе похолодел. Что угодно, только не фронт... Вторично Дева Мария может и не свершить чудо... Один раз вытащила его из ада – и достаточно.

Тут он, до сей поры старавшийся смотреть в сторону, нечаянно встретился взглядом с Кранке. И – словно прилип, никак не в силах оторваться от холодных голубых глаз-льдинок.

Оберштурмбанфюрер говорил что-то еще, о чем-то выпрашивал – Хосе не понимал ни слова. Однако – странное дело – отвечал подробно и обстоятельно. Краем сознания Хосе понимал, что говорит о детстве, о матери, о сестрах, о том страшном дне, когда звено «мартин-бомберов», сопровождаемых юркими хищными «курносыми»,⁷ пыталось разбомбить стоявшую неподалеку от их дома гаубичную батарею... Пыталось – и промахнулось. Бомба угодила в дом Ибаросов. Матери и сестер не стало.

Зачем, зачем, зачем он все рассказывал? Хосе и сам не понимал. Но говорил и говорил. О том, как в шестнадцать лет вступил по рекомендации старшего брата в фалангу, как ненавидел русских, как всеми правдами и неправдами рвался в ряды добровольцев, наврав про возраст...

Казалось, поток слов смыл страх перед эсэсманом. А может, вино наконец подействовало. Но очередную реплику Кранке рядовой Хосе Ибарос расслышал хорошо. И безмерно удивился.

– Кажется, вы мне подходите, сеньор Ибарос. Остался последний вопрос. Но весьма важный. Ответьте честно; вам приходилось иметь дело с женщинами? Проще говоря – вы девственник?

Святая Дева Мария, это-то ему зачем? Хосе почувствовал, как кровь приливает к лицу. Повисла пауза. Оберштурмбанфюрер смотрел испытующе.

– Д-да... – с трудом выдавил Хосе,

Кранке недовольно дернул щекой – той самой, на которую сползал со скулы старый шрам.

– Выражайтесь яснее! «Да» – приходилось иметь? Или «да» – девственник?

Что же ему надо? Хосе вдруг показалось, что именно сейчас прозвучал самый главный вопрос, а весь предыдущий разговор был малозначительной прелюдией к нему...

Соврать? Но какой именно ответ нужен эсэсману – не ясно. Ошибешься – и на фронт, в окопы, под снаряды и пули...

– Д-девственник...

Оберштурмбанфюрер отвел наконец свой холодный взгляд. Хосе тут же устался на его грудь. Ни за что больше не станет он смотреть в эти синие бездонные колодцы...

Кранке молчал. Хосе старательно изучал орден, сверкающий на черном мундире: незнакомый, пятиугольной формы – похоже, золотой с бриллиантами. Вглядывался так, словно ничего более важного на свете не было. И – ждал решения своей судьбы. Фронт? Или?..

Кранке молчал.

Хосе рассмотрел вязь вроде как арабских букв на гранях пятиугольной основы ордена. И стал размышлять: кто же из мусульман выступает в союзе с фюрером и каудильо? Честно говоря, рядовому Ибаросу на это было наплевать, – он лишь старался чем-то отвлечься от тревожного ожидания... Помогало не очень. Турция, подумала какая-то часть сознания Хосе, точно Турция... – а параллельно в голове стучало тревожным рефреном: что решит Кранке? Что? Что? Что?

Эсэсман ничего не решил. Вернее, не оповестил собеседника о своем решении. Поднялся на ноги, сделал приглашающий жест в сторону двери.

– Прогуляемся перед сном, сеньор Ибарос.

Выходя, Хосе бросил взгляд на окно. И опешил. Сколько же они тут проговорили? За окном сгущались сумерки.

⁷ «Мартин-бомбёром» испанцы-франкисты в ходе Гражданской войны называли советский бомбардировщик СБ. «Курносыми» и «крысами» (исп. «chatos» и нем. «gata» там же и тогда же именовались советские истребители И-16.

* * *

В прогулке перед сном их сопровождали два дюжих эсэсовца из свиты оберштурмбанфюрера. Оба с автоматами. А место для прогулок Кранке выбрал примечательное – старое, амфитеатром спускающееся в речную долину кладбище.

Хосе шагал следом за эсэсманом вниз по узенькой дорожке, между оградок и крестов непривычного вида. Охранники держались позади, в отдалении, чтобы не мешать разговору. Но Кранке шел молча. Хосе ломал голову над целью их вечернего променада – но спросить, конечно же, не решался.

А потом они пришли. И Хосе понял всё...

Свежевырытая могила темнела у ног зловещим прямоугольником. Кранке коротко командовал что-то на немецком. Хосе знал на этом языке два десятка слов и ничего не понял, – одновременно поняв всё. Его ответ оберштурмбанфюрера не устроил. Но на фронт отправляться не придется... Всё закончится здесь. В яме.

Однако – ничего страшного пока не происходило. Один из охранников торопливо пошагал в сторону – там смутно виднелось небольшое дощатое строение. Сарайчик для кладбищенского инвентаря? – размышлять на эту тему Хосе не стал. Осторожно, искоса, он поглядывал по сторонам. Если побежать по вон тому боковому ответвлению дорожки – успеет ли второй эсэсовец срезать его очередью? По всему выходило, что успеет...

Первый охранник тем временем вернулся. И не один. С ним шли еще трое – двое в черной эсэсовской форме, третий – в мундире вермахта. Его, этого третьего, черномундирники буквально тащили под локти. А их коллега нес две лопаты...

У Хосе отлегло от сердца. Похоже, не пробил его час, хвала Деве Марии... Неужели операция, на которую намекал Кранке, состоит в том, чтобы ему, Хосе, исполнить палаческую работу?

Процессия приблизилась вплотную. В сумерках Хосе рассмотрел пленника – в том, что это именно пленник, сомнений не осталось. Погоны с мундира содраны, один с мясом... На скуле свежий кровоподтек. И – совсем мальчишка, на вид ровесник Хосе, а то и помладше.

Паренек быстро и горячо заговорил по-немецки, обращаясь к оберштурмбанфюреру. Тот ответил коротко, резко.

Солдаты заломили руки, опустили пленника на колени – на самый край могилы, лицом к яме.

– Этот человек пытался меня обмануть... – сказал Кранке уже по-испански. Злобы в голосе не чувствовалось, лишь грустное удивление – словно эсэсман искренне недоумевал, как кто-то мог решиться на подобное предприятие...

А потом все произошло быстро.

Выстрел грохнул неожиданно, казалось – над самым ухом. Хосе почудилось, что оберштурмбанфюрер не тянулся к кобуре, не расстегивал ее, что «вальтер» сам собой прыгнул ему в руку. Впрочем, этот момент рядовой Ибарос мог и упустить – внимание было приковано к пленнику. И Хосе хорошо видел, как что-то стремительно вылетело из лица паренька. Даже не что-то – а само лицо...

Короткая команда на немецком – и труп полетел в могилу.

– Этот человек пытался меня обмануть... – слово в слово повторил Кранке. – Надеюсь, сеньор Ибарос, вам такая мысль не придет в голову.

Глава 3

14 июня, суббота, день, вечер

1

К обеду головные боли, и без того слабевшие с каждым днем, прекратились совершенно. И Алекс Шляпников понял – уходить надо сегодня ночью. Иначе может оказаться поздно... Уже на вчерашнем утреннем обходе белохалатники собрались толпой, охали-ахали, удивленно скребли затылки. Если дожидаться обхода завтрашнего – удивиться им придется еще сильнее.

Да и обманывать хитроумные приборы, прикидываясь полутрупом, становилось все труднее – хотя голос и научил, как для этого надо дышать и как управлять биением сердца... Оказалось всё на редкость просто – но Алекс опасался, что кто-нибудь из белых халатов придет поинтересоваться показаниями своей машинерин, когда он, Алекс, будет спать...

И тогда в него запустят когти отнюдь не врачи – но те, другие, – один из которых дежурит в палате, а еще двое – в коридоре (Алекс ту парочку не видел и не слышал – но знал об их присутствии от голоса). И уж у них-то найдется, о чем порасспросить нежданно воскресшего Первого Парня.

Решено – сегодня ночью он покинет богадельню.

Может, и стоило бы попытаться раньше. Днем в больнице полно и персонала, и посетителей, да и больные туда-сюда шляются – лишнего человека в белом халате, куда-то спешащего, никто и не заметит...

Ночью другое дело – любая незнакомая личность в пустынных коридорах тут же привлечет внимание. Но имелась одна загвоздка – Алекс хотел дожидаться смены дежурных. Не медиков – тех, других. В минувшие два дня он несколько раз проверял своих соглядатаев на вшивость – и понял: с мрачным верзилой лет сорока, сидевшим сейчас в его палате, лучше не связываться.

Проверки проходили незамысловато: Алекс начинал что-то бормотать, первые приходящие на ум слова – словно бы в бреду. Верзила оказался тем еще служакой, исполняющим инструкции до буковки, до последней запятой. Приближался с диктофоном к ложу «умирающего», лишь вызвав из коридора напарника – причем тот держал все время больного под прицелом. А у самих дежуривших в палате оружия, похоже, не было. Осторожничают... Боятся его – даже полумертвого.

Он решил дожидаться смены Гриши – молодого, улыбчивого паренька, не ждущего никаких подвохов от лежащего пластом клиента. До пересменки оставалось пять часов.

До сих пор Александру Шляпникову не доводилось попадать в реанимацию. И он не догадывался, что палата, где он лежит, не совсем типичная. Стандартные реанимационные отделения в больницах советской постройки состояли из достаточно обширных помещений, – и на отдельные двухместные палаты их разделяли остекленные перегородки. С центрального поста отделение просматривалось насквозь – ничто из происходившего в палатах не могло укрыться от глаз дежурного врача...

Однако больница имени Семашко получила девять лет назад в качестве гуманитарной помощи большую партию реанимационного оборудования. Но, расширяя по этому поводу свое реанимационное отделение почти вдвое, медики выдержать принятые стандарты не смогли – убирать перегородки в старом, царской еще постройки здании оказалось невозможно.

В результате больной Шляпников лежал в небольшой, одноместной палате со стенами вполне капитальными, непрозрачными. В подобном раскладе имелся плюс для задуманного Алексом: никто из белохалатников за ним постоянно не наблюдал. Лишь приставленный вер-

тухай-соглядатай... Но был и минус: медики гораздо чаще заглядывали с короткими проверками. Время для *ухода* предстояло рассчитать ювелирно.

...Алекс терпеливо ждал – а когда верзила отворачивался, совершал малозаметные движения, напрягая и расслабляя то одни, то другие мышцы. Мускулы подчинялись охотно и безболезненно. Алекс был уверен: все пройдет как надо.

2

В «штабе» ни Бориса, ни девчонок тоже не оказалось.

После бесславной гибели полуприцепа-рефрижератора «штаб» (не только их компании) обосновался в заброшенной, разваливающейся сторожке, стоявшей на краю капустного поля. Но капусту там не высевали уже года три-четыре, хибарка пришла в упадок – и стала очередным штабом.

Даня застыл на пороге, не зная – куда еще можно пойти и что сделать. Потом вспомнил про их «почтовый ящик». Приподнял прибитую одним концом половицу (пол тут был плохонький, щелястый, из кое-как выровненного горбыля). Просунул руку, пошарил – есть!

Послание кто-то нацарапал на разорванной сигаретной пачке. Причем пишущим орудием послужила обгорелая спичка. Одно слово крупными буквами: «КУПАЛЬНЯ». Краткость, говорят, сестра таланта... Но почерк талантливого автора Даня опознать не сумел.

Делать нечего, пришлось тащиться на купальню. Так спасовские пацаны именовали омуток на Славянке с ровным и чистым песчаным дном.

Вид на купальню открывался вблизи и неожиданно, стоило перевалить прибрежный пригорок. Даня сразу углядел мощную фигуру Борюсика, сидевшего на берегу в одних трусах, спиной к подходившим. Вздыхнул с облегчением, но тревога не ушла окончательно: где же, черт возьми, девчонки?

Но женская составляющая исчезнувшей троицы тут же обнаружилась. Девчонки стояли по колено в воде и сосредоточенно занимались стиркой – Женька в купальнике, Альзира, как и Борис, в одних трусиках.

Причем последняя, увидев подходивших ребят, немедленно застеснялась и тут же натянула майку, которую полоскала. Особого успеха её демарш не принес – тонкая мокрая ткань отнюдь не скрывала ее маленькие и остренькие, чуть в стороны торчащие грудки, – плотно облепила и лишь привлекала к ним внимание.

Даня, впрочем, не приглядывался, но машинально отметил: Борьки, значит, не стыдится... Да и всех нас в темноте на озере не очень-то стеснялась...

Даня кивнул в сторону лежавших на берегу невероятно грязных деталей одежды, до которых пока не дошли руки юных прачек. Спросил:

– Вы никак для развлечения всё «болотце» по-пластунски пересекли? Ну вы экстремалы...

Он иронизировал, скрывая нешуточное облегчение, – однако, как ни странно, угадал. Правда, ползти почти два километра по уши в грязи Борису и девчонкам пришлось не развлечения ради.

3

Тревогу подняла Альзира – вскоре после того, как Даня с Пещерником взобрались на остров.

Женька, не желая терять времени в бесплодных ожиданиях – ничего интересного от экспедиции она не ждала – выбрала местечко посуше, разложила принесенное в заплечном рюкзаке покрывальце и наладилась позагорать. И даже начала задремывать.

Борюсик, нешуточно гордясь своей охранительной миссией, патрулировал берег с рогаткой в руках, – и как раз ушел достаточно далеко.

Короче говоря, непонятный звук первой услышала Альзира – и подняла тревогу. Растволкала подружку, замахала обернувшемуся Борису.

Собравшись вместе, они пытались понять: что же такое слышат?

Больше всего это напоминало истошный вой двигателя завязшей в топи машины. Вот только не было в Спасовке и окрестностях дурака, способного заехать сюда на автотранспорте. Последним таким героем, по рассказам, стал четверть века назад совхозный тракторист Гошенька, записной алкоголик. В результате смелого опыта в то лето из топи торчал самый краешек заднего борта тракторного прицепа – торчал недели две, пока и трактор, и прицеп не погрузились еще глубже. Самого же Гошеньку так и не нашли, сколько ни шарили баграми в болотной жиже, – не река и не озеро, водолазов не вызовешь...

А чужаки на «болотце» едва ли смогли бы проехать. Да и зачем бы им, собственно?

Однако – кто-то приехал. И завяз.

Впрочем, скоро характер звука изменился – истошный вой движка сменился мерным басовитым гудением. И Борюсик выдвинул первую достаточно обоснованную версию. Дескать, здешние места облюбовали гонщики-экстремалы на навороченном джипе – видал он такие по ящику. К «Кэмел-Трофи», небось, готовятся. У тех джипя, мол, лебедки мощнейшие приделаны – сами себя из любой трясины вытащат. Как барон Мюнхгаузен...

Саунд-трек как будто подтверждал рассуждения Бори – гудение вновь сменилось звуком двигателя – но теперь работал он нормально. Затем всё смолкло.

Выбрались, констатировал Борюсик. И предложил позже, когда вернутся с острова мальчишки, сходить и посмотреть на оставшиеся от «Спасовка-Трофи» следы.

Но никуда сходить не довелось. Потому что несколько минут спустя на «болотце» появились люди, – и уверенно двинулись в сторону озера и острова.

Вооруженные люди.

– Солдаты? – перебил Даня на этом месте звучавший в два голоса рассказ. (Альзира отмалчивалась, она вообще была немногословной девчонкой.)

– Не-а... – протянул Борюсик. – Я и сам решил было: учения какие-то... Но не солдаты. Камуфляж не армейский, ни эмблем, ни погон, ничего нет... И стволы незнакомые. Но не «Калашки» – сто пудов. А потом – они ведь близко подошли – видно стало: староваты для солдатиков... Ну не то чтоб совсем старичье... Но взрослые мужики.

Встречаться с непонятными людьми не хотелось. Мало ли что на уме у странных и вооруженных пришельцев? Может, задумали что-то тайное – и свидетели им без надобности? Место глухое, топь под боком – никто никаких концов в жизни не найдет.

В общем, Боря и девчонки залегли в зарослях осоки – и решили подождать, пока чужаки пройдут мимо. Но не тут-то было. Пришельцы шли прямо на них. Причем не абы как, но по компасу, постоянно сверяясь с картой – ее нес седоволосый, коротко стриженный человек, явно бывший у них за главного.

И вскоре отступить незаметно стало невозможно. День стоял безветренный, шевеление и шуршание осоки наверняка бы выдало любую попытку отползти...

Но тут им повезло. Очень сильно повезло. Двое, идущие впереди растяннувшейся по болоту цепочки чужаков, разом ухнули в топь. Провалились аж по грудь.

Их коллеги оказались к этому готовы – тут же пустили в ход длинные и прочные веревки. Но ребята не стали дожидаться окончания спасательных работ. Воспользовавшись моментом, быстро-быстро поползли вокруг озера. Никто их отступление не обнаружил, людям в камуфляже было не до того.

Вытащив из топи провалившихся, незнакомцы вышли на берег – ровно в том месте, где компания незадолго до того спускала на воду плотники. И тут выяснилось, что предусматри-

тельность чужаков безгранична – ничего, пригодного для форсирования озерца, у них не нашлось. После короткого совещания они двинулись вдоль берега – чуть ли не по следу Бориса и девчонок. А может, и по следу – примятая осока показывала путь отступавших вполне ясно. Ребята не стали выяснять подробности – поползли во весь опор в сторону Спасовки, по самому краю той топи, где Гном устроил свой лабиринт фальшивых гатей. Борюсик пару раз обернулся – и ему показалось, что пришельцы пытаются-таки лабиринт преодолеть... Но, может быть, лишь показалось.

– Интересное кино... – Даня посмотрел на Пещерника. – Значит, пока мы там по кустам шарились, на берегу такие дела творились? И плоты наши, значит, засекли тоже?

Он повернулся к Боре и Женьке, спросил:

– Что же вы не крикнули? Не предупредили? Сразу, когда машину завязшую услышали?

Женька удивилась:

– Вы что, не слышали? К вам она еще ближе редела! Мы думали – вы тоже с острова все видите. Вам-то что, к вам там не подступиться. Это мы с болота выбрались – как три комка грязи...

Даня переглянулся с Васьком. Тот пожал плечами. Ничего похожего на звук двигателя до них не донеслось – хотя оба держались настороже, прислушивались внимательно. Даня вдруг понял, что на острове было вообще на удивление тихо – птицы не пели, кузнечики не стрекотали. Даже комары не гудели. Странно... Очень странно...

Закончив рассказ об их болотной эпопее, Борюсик вдруг вспомнил про то, чего ради она затевалась:

– А вы как там? Нашли чего?

Даня собрался было начать ответный рассказ, но Женька перебила, поднявшись на ноги:

– Вы вот что... Подсаживайтесь ближе к берегу, да и рассказывайте оттуда. А мы стирать будем. Вечереет, а меня мать на порог такую грязную не пустит.

Именно так и прозвучал рассказ об экскурсии по острову – под аккомпанемент звуков, издаваемых полощущимся бельем...

4

Если бы в ребячем походе на Кошачий остров принял участие Сергей Борисович Савичев, заведующий реанимационным отделением больницы имени Семашко (маловероятно, но вдруг?) – он, без сомнения, сразу узнал бы руководившего пришельцами седоголового человека.

А если бы компанию Дане и его приятелям составил писатель Кравцов (куда более вероятный случай) – он не просто бы опознал «седого», но и обоснованно заподозрил бы, откуда у того взялась карта, позволившая проложить путь к острову столь прямо и уверенно.

И Кравцов не ошибся бы – карта (вернее, точный топографический план) была скопирована с рулона, хранившегося в его вагончике. Скопирована негласно и абсолютно незаконно – когда господин писатель пребывал в Семиозерье.

Хотя и сам Кравцов стал владельцем плана не совсем легально – наследники Валентина Пинегина имели полное право потребовать возврата этого чуда топографического искусства. Так что вопрос о правах владения оставался спорным...

Впрочем, седоголовый человек подобными проблемами не терзался.

Он ломал голову над другим: как и чем связаны между собой эти пять точек (он сегодня посетил все). Озеро, болотная топь, долина речки-иевелички и два жилых дома в Спасовке?

Вопрос не был для человека праздным. Потому что в геометрическом центре фигуры, образованной пресловутыми точками, нашли труп его сына...

Связь с одной из вершин пятиугольника просматривалась четко. Именно там располагался дом Александра Шляпникова – прямо или косвенно замешанного во многих событиях. И пострадавшего явно от той же руки, что и Костик...

(На самом деле, конечно, сына седоголового в детстве звали иначе. Да и его отец стал именовать себя Юрием Константиновичем Чагиным относительно недавно.)

Размышлял над планом Чагин как раз в доме Шляпникова. Родители Алекса были удалены путем несложной комбинации – и люди седого человека заканчивали обыск дома.

Начальник в их действия не вмешивался, вполне доверяя профессионализму подчиненных. Он искал связи между пятью загадочными точками – и пока не находил.

Допустим, в сердцевину труднодоступной топи легче всего попасть на вертолете... Достать «вертушку» не проблема, и воздушная экспедиция на островок в ближайшее время состоится. Чагин не верил, что в центре болота обнаружится что-то, достойное внимания – но не привык оставлять позади неясности и непонятности.

Но что делать с кастровым озером? Седоголовый уже был информирован о пропавшем там в свое время аквалангисте-спелеологе. Что произошло с ним без малого три года назад? Трагическая случайность? Или обставленное под таковую убийство? Бездонный водоем – удобное место, чтобы скрыть что угодно...

Седой человек привык добывать информацию от людей, привык работать с уликами и вещественными доказательствами. Но масштаб улики-озера оказался для него крупноват.

Казалось, с человеком – со стариком Вороном – будет проще. Но обитатель соседнего угла пятиугольника проявил себя крепким орешком. Признал, что водил знакомство и с Александром Шляпниковым, и с Ермаковым-Козырем. А в давние годы знал другого Александра – беглого психа Зарицына.

Происходи дело в городе, такое тройное знакомство вызвало бы серьезные подозрения. Но в деревне... Все знают всех, ничего странного.

Чагин верхним чутьем чувствовал: старик знает куда больше, чем говорит. Седоголовый был уверен, что при нужде его люди смогут *заставить* Ворона ответить на любой вопрос. Беда в другом: что именно спрашивать?

– Закончили, Юрий Константинович, – доложил молодой человек в штатском, нарушив раздумья начальства.

– Пошли, глянем, – тяжело поднялся на ноги седоголовый. Он тоже после визита на «болотце» снял камуфляж и переоделся в костюм. Если бы еще можно было так же снять и повесить в шкаф накопившуюся за последние дни усталость... Годы, годы... Когда-то для него неделю-другую спать не больше трех часов в сутки казалось легко и просто... А теперь... Совсем немного ведь осталось... И – один... Теперь – навсегда один... Вдова-невестка – совершенно чужой человек, внучке два года, и уж она-то в один строй с дедом никогда не встанет... И слава Богу...

Он провел ладонью по лицу, словно стряхивая липкую паутину мрачных мыслей. Вошел в горницу уже прежним – жестким, до предела собранным, напряженным, казалось: тронь – и зазвенит камертонно-чистым звуком.

Находки были разложены на обеденном столе.

– Арсенал... – без всякого выражения протянул Чагин.

Действительно, разложенные на столе предметы могли обеспечить Алексу новую прогулку на зону – по статье, карающей за незаконное хранение стреляющих и взрывающихся предметов.

Немецкий штык-нож, обрез трехлинейной винтовки, наган раритетного вида, автомат ППШ – но ни единого рожка или диска к нему не отыскалось. Россыпи патронов – и русских, ко всем наличествующим стволам, и немецких: винтовочных и автоматных. Неровные бруски тротила – самопальные, вытопленные из мин и снарядов. Две мины-летучки – небольшие, от

ротного миномета. Здоровенный «блин» мины противотанковой – со следами ножовки (операция по извлечению взрывчатки явно оборвалась на начальной стадии).

Седоголовый аккуратно, стараясь не касаться гладких ровных поверхностей, взял в руки обрез. Вытащил затвор, заглянул в ствол... Металл там изъязвляли раковины, следов нарезки в стволе почти не осталось. Но ржавчина счищена, и пугач хорошо смазан.

Чагин вопросительно посмотрел на человека, считавшегося в его команде специалистом по оружию. Тот пожал плечами:

– Металлолом. Все копаное... Хотя от беды стрелять можно. Без дальности и меткости – но можно.

Седой и сам бы мог сказать то же самое. В оружии он разбирался не хуже своего консультанта – правда, с пролежавшим в земле долгие годы дело иметь не приходилось. Спросил:

– Зачем ему немецкие патроны?

Консультант улыбнулся кончиками губ:

– Старый трюк, не раз сталкивался... Смотрите...

Он взял один из патронов к русской трехлинейке – тоже со старательно счищенной коррозией – и без усилия выдернул двумя пальцами пулю. Высыпал на стол кучку пороха.

Чагин взял щепотку, дальнозорко отодвинул от глаз. Порох оказался немецким – спутать его глянцево-серые пластинки с «колбасками» пороха русского было невозможно.

– У фрицев гильзы оказались куда устойчивее к длительному лежанию в земле, порох меньше портится, – начал объяснять эксперт. – И наши умельцы...

– Достаточно, – оборвал седоголовый. – Я все понял. Больше ничего?

Больше ничего хоть сколько-нибудь интересного в доме Шляпниковых не обнаружилось. Конечно, все найденные документы тщательно скопированы, и будут еще изучаться – но Чагин был уверен: никаких следов они там не найдут...

– Однако – ни одной гранаты... – подал голос один из подчиненных.

Бровь седого дернулась – чуть-чуть, едва заметно. Он не любил, когда ему указывали на очевидные факты. До склероза и старческого маразма далеко, слава Богу...

Но всё же ответил на реплику, коротко и отрывисто:

– Растяжка в овраге. Сюрприз на «ракетодроме». Все, что было, – извел.

Помолчав, добавил:

– Приведите тут все в порядок.

– А это? – кивнул на арсенал консультант.

– Разложите по местам аккуратненько... А ну как менты наконец домишком заинтересуются... Не будем перебегать дорогу.

Пока подчиненные восстанавливали статус-кво, он вышел на крыльцо, спустился в сад. Рассеянно посмотрел по сторонам. Узрел старушку – на вид типичнейшую деревенскую бабку. Бабулька семенила по Шляпниковскому прогону, направляясь сюда. Чагин стал с любопытством наблюдать за ней...

До дома старушка не дошла. Из-за густо разросшегося куста сирени навстречу ей шагнул молодой человек, сделал преграждающий жест, негромко сказал несколько слов. Лицо бабульки отразило сложнейшую гамму чувств – от опасливого удивления до горделивого ощущения сопричастности к великой тайне (и желания ею немедленно с кем-нибудь поделиться).

Затем аборигенша развернулась и поспешила обратно – причем аллюр ее стал вдвое быстрее. Седоголовый кивнул удовлетворенно, отвернулся. Неторопливо прошел в глубь сада...

И вдруг замер, уловив боковым зрением какое-то шевеление на земле. Обернулся мгновенно, рука метнулась к кобуре...

У-ф-ф... – выдохнул облегченно. Нервы ни к черту... Земля шагах в трех набухла небольшим валиком – движущимся вперед. Крот, всего лишь крот... Роет ход почти у самой поверхности. Но до чего же быстро движется, даже удивительно...

В кармане запиликал мобильник. Чагин – продолжая машинально следить за приближающимся к его ногам земляным валиком – нажал кнопку ответа, поднес трубку к уху, – не произнеся, однако, ни слова. По ошибке ему позвонить никак не могли.

Через несколько секунд седоголовый торопливо зашагал к дому, мигом позабыв про удивительно быстроходного крота. На связь вышел командир автономной группы, действовавшей в Тосненском районе. Ребятам удалось выйти на след Сашка... На очень свежий след.

Чагин ушел и не увидел, как стремившийся к его ногам валик кротовьего хода внезапно ускорился – словно старался успеть, догнать... Не увидел и не поразился скорости, вовсе уж непредставимой для крохотного зверька. Однако через две-три секунды земля перестала вспучиваться: как будто крот-спринтер полностью выложился в решающем и неудачном рывке – и остановился... Почва на самом конце хода слегка просела. На этом все закончилось.

Несколько минут спустя кавалькада из трех джипов торопливо отъехала от дома Шляпниковых. И столь же торопливо покатила к выезду из Спасовки.

5

Пашку-Козыря, вопреки его обещанию, Кравцов дома не застал. Двери заперты, гараж заперт, машины рядом с домом не видно...

Неужели все подозрения столь быстро подтвердились? Неужели Пашка звонил не из Спасовки – и сказал первое, что пришло в голову – лишь бы прервать беседу с Архивариусом?

Подозрения не успели перерасти в уверенность – Козырь позвонил снова. Беседовал с той же холодной корректностью, сказал, что пришлось срочно отъехать по важному делу. Пообещал вернуться как можно скорее, попросил подождать немного, – и отключился.

«Немного» растянулось почти на три часа, под конец ожидания сумерки стусились... Кравцов терпеливо ждал, решив именно сегодня расставить все точки над "i".

...Наконец на двор вкатился Пашкин «сааб» – мягко, почти бесшумно. Остановился возле «нивы» Кравцова – сразу ставшей от такого соседства выглядеть несколько плебейски.

Козырь вылез из салона – движениями смертельно уставшего человека. Лицо бледное, осунувшееся, темные круги под глазами. На щеках и подбородке – Кравцов изумился – трехдневная щетина.

Кравцов сделал два шага ему навстречу. Остановился. Молчал. В конце концов, Пашка сам настоял на этом разговоре, – вот пусть и начинает. Облегчать ему задачу, спрашивая о чем-либо, Кравцов не собирался.

– Пошли в дом, что ли... – нарушил затянувшееся молчание Козырь. – За стол сядем, потолкуем...

Голос звучал тяжело, глухо.

– Поговорим здесь, на улице, – отрезал Кравцов. Что-то было в этом детское, что-то от «Графа Монте-Кристо» – но переступить порог дома Ермаковых, не выяснив все до конца, он не собирался.

Козырь вздохнул, пожал плечами.

– Как скажешь... Давай хоть на крыльце посидим, нечего стоять посреди двора, как Пушкин с Дантесом...

Кравцов хмыкнул от такого сравнения, но на крыльцо вслед за Пашкой поднялся. Не совсем уже улица, но еще и не дом, – нейтральная, в общем, территория.

Предприниматель Ермаков разговор начинать не торопился. Щелкнул клавишей выключателя на стене: над крыльцом помигал, помигал, – и разгорелся в полную силу большой белесый фонарь. Козырь пошарил по карманам, отыскал зажигалку, сигареты. Уселся на стул, вытесанный из цельного деревянного чурбака, закурил...

Кравцов ждал – терпеливо и молча,

Выкурив сигарету до половины, Пашка заговорил:

– Начать надо издалека... С самого начала...

Он снова замолчал.

– Ну так начни, – подбодрил Кравцов. – С самого начала. С той нашей якобы случайной встречи на Звездном бульваре. А еще лучше – с того момента, когда тебе невесть откуда пришла идея о реконструкции «Графской Славянки»...

Пашка неожиданно засмеялся – мрачным, безрадостным смехом. Встал со стула-чурбака, сделал по крыльцу три шага туда, три обратно.

– Ничего ты не понял, пис-сатель... Началось все куда раньше, когда нас и на свете-то не было.

Он остановился, протянул в сторону Кравцова руку с зажатой сигаретой.

– Ты знаешь, что твой родной прадед, Федор Кравцов, носил прозвище «Царь»?

Кравцов молча кивнул.

– А знаешь, как и за что его убили?

Вот оно что... Похоже, сейчас объяснится и странная запись «ГДЕ ЦАРЬ??????» из пинегинской тетради, и секрет отсутствия могилы прадеда...

– Ну так знай! – Рука с сигаретой вновь сделала прокурорский жест в сторону Кравцова, а затем...

Затем сигарета выпала, и ударилась о крашенные доски крыльца, и разлетелась искорками-светлячками.

Кравцов машинально проводил ее полет взглядом – и не сразу увидел, как Пашка отшатнулся назад, схватился за левую сторону груди...

– Что с тобой? Сердце? – Он вскочил, поддержал, но тело Козыря уже грузно обмякло, поползло вниз...

Пашка прохрипел что-то неразборчивое, Кравцов аккуратно, осторожно опустил его на доски крыльца, выдернул мобильник, резко, как пистолет из кобуры, – и только тогда, отыскивая взглядом нужные клавиши, заметил, что пальцы и ладонь измазаны чем-то темным... И сообразил мгновенно: кровь! Пашкина кровь! И столь же мгновенно вспомнил: за миг до того, как сигарета начала свой полет к полу, откуда-то издалека донесся хлопок, – негромкий, словно кто-то сильно хлопнул в ладоши...

Потом он орал в телефон (как, когда успел набрать номер?), орал что-то оглушительное и совершенно нецензурное, потому что перед тем голос в трубке устало объяснил, что выслать машину по указанному адресу они не могут, ибо другой субъект федерации, вот если бы пострадавшего осторожно перенести метров на пятьсот, на границу с поселком Торпедо... – и Кравцов кричал на них, сам не понимая своих слов, и вдруг неожиданно замолчал, увидев, что Пашкины губы зашевелились, – тот сказал не то «ма...», не то «на...», но продолжить и закончить не смог, изо рта хлынула кровь густым черным потоком...

Потом кровь перестала течь изо рта и выплескиваться короткими толчками из груди – когда он успел расстегнуть пиджак и рубашку, Кравцов тоже не помнил, но скомканный носовой платок так и остался неиспользованным, перевязка при такой ране ничем помочь не могла... Кровь перестала течь, и Кравцов понял, что держится за остывающую руку трупа.

Издалека, из другой галактики донеслось слабое завывание сирены. «Скорая» все-таки приехала – но в помощи больной уже не нуждался...

Предания старины – IV

«Царь». 1927 год

Комбед решал судьбу Спасовской церкви св. великомученицы Екатерины. Вернее, судьбу бывшего церковного здания, – как храм оно не функционировало, службы прекратились пять лет назад.

– А стоит ли оно этого? – рассудительно, но несколько смутно спросил старик Матвей Никодимович Карпушин, председатель комбеда. – Кресты сняли, колокола тож. Поп давно в Соловках перековывается... Какой-то еше «опивум»? А зданье-то крепкое, пуццай народу послужит. Сами знаете, склад там щас, картофлю артель держит...

Но главный противник церкви, Володька Ворон, был настроен непримиримо. Как всегда, когда бывал он чем-то взволнован или разозлен, в речи Володьки присутствовал некий избыток шипящих звуков. Точь-в-точь как у деда его, Степана Порфирьевича. – Хоре там одно, а не склад, – рассерженной змеей шипел Ворон.

– Хниет картофля-то... Вошдух шпертый – вот и хниет, преет. А што кресты да холокола сняли – мало энтофо. Мало. Хупола за мнохо верст видны – народ и охлядывается. Хто мимо ни идет – похлонится, перехрестится. Поп на Соловках, а зараза попопья тут осталась. Зреет, знахчится. Што товарищ Сталин ховорит, а? Што крестьянство самонадежный союзник пролетарьята. Иль ты, Ниходимыч, супротив партийной линии собрался? Поповским подпевалой рехшил заделаться?

Матвей Никодимович смутился. Супротив партийной линии он идти не собирался. Хотя эту партию тоже не понять порой... Сегодня: «Смерть богатеям!», а завтра: «Обогащайтесь!» Может, послезавтра церкви вновь открыть постановят, кто их разберет. Ломать-то не строить. Пускай бы себе бывшая церковь стояла, никому не мешаючи...

Но Володька-то Ворон каким активистом заделался... А ведь отец его, Никита Степанович, в старые годы был, как говорили тогда, из крестьян «достаточных». Проще сказать, первым богатеем считался в Спасовке. Два кабака держал на тракте, лесопилку на Ижоре, в оранжереях персики с апельсинами выращивал. Всё само Никите Ворону в руки шло, всё удавалось – словно сам черт ему ворожил... А сыну, видать, ворожить перестал – с начала германской войны хозяйство как-то быстро порушилось, и стал Володька самым заправским бедняком, при новой власти в комбед попал... Никакого сладу с ним нет.

Карпушин оглядел соратников, ища поддержки. И не нашел. С Вороном связываться никому не хотелось. Именно он сообщил куда надо, что отец Силантий ведет после закрытия церкви «контрреволюционные разговоры». И теперь живо можно угодить в «поповские союзники» – и на Соловки, к батюшке в компанию.

А главного сторонника сохранения церкви, Федора Кравцова, на нынешнем заседании нет. И вообще в Спасовке нет. Жена говорит: в город уехал, по делам, дескать. Какие-то дела у «Царя» в городе, что вторую неделю там сидит? Непонятно...

И председатель пошел на попятную. Правда, еще одну вялую попытку спасти церковь сделал:

– Стены там ого-го! Толстенные... Добротный кирпич, старинный. Энто ж скоко сил потратим, пока порушим? Пусть бы уж стояла...

– Ничё, сдюжим, – гнул свое Ворон. – Напишем бумагу в уезд – пуццай с каменоломни динахмиту отпустят, пудов этак двадцать. Взлетит на воздух как миленькая. В обчем, хватит лясы точить... Холосовать давайте. Хто за то, штоб с мракобесием поповским покончить?

Проголосовали единогласно, без воздержавшихся.

* * *

Получив желанную бумагу с комбедовской печатью, Ворон развил бурную деятельность. Самолично на следующий день отправился в уездный город, в Гатчину. Отсидел пару часов в приемной, потом пробивался в другой кабинет, в третий... И получил-таки к вечеру разрешение взять в кредит в Антропшинской каменоломне взрывчатку по самой льготной цене. И расплатиться по осени не деньгами – картофелем да зерном.

Доставили «динамит» на другой день, опять же стараниями Ворона. И немедленно собрались долбить ниши в подвальных стенах и закладывать взрывчатку. Володька спешил, как мог. И все же не успел. Потому что вечером того же дня, когда из Антропшино прибыли две груженные взрывчаткой телеги, в Спасовку вернулся Федор Кравцов по прозвищу «Царь». И тут же потребовал созвать внеочередное заседание комбеда.

* * *

Как выяснилось, провел все эти дни «Царь» не в Питере. Аж в первопрестольную скатался... И привез оттуда документ, даже на вид посолондней выглядывший, чем уездная бумажка Ворона. Подписи и печати там оказались куда весомее...

Именно с них – с печатей и подписей – начал изучение документа председатель Карпушин.

– На-род-ный ко-мис-сар прос-ве-ще-ни-я, – по складам читал Матвей Никодимович (с грамотой у него было туго, две зимы отходил во Владимирскую царскославянскую школу). – Лу-на-чар-ский... Во как... Высоко ж ты забрался, Федор... Аж к наркому самому.

– Ты главное читай, – сказал «Царь», не желавший расписывать подробности московской своей эпопеи.

Карпушин главное читал уже про себя, лишь изредка выдавал цитаты с комментариями:

– «Па-мят-ник ар-хи-тек-ту-ры»... Понял, Володька?.. «Во-сем-над-ца-тый век...», «ар-хи-тек-тор А-да-ми-ни...», «ар-хи-тек-тор Ре-эа-нов...», «рос-пи-си Брю-ло-ва...» – а ты: взрывать, взрывать... «При-нять все ме-ры к со-хра-не-ни-ю...» Ты ж нас, гад, всех бы в Соловки точно отправил! Али ты, воронья душа, против народного комиссара апартунизму развести тут собрался? Али тебе вобщем советская власть не по нраву?

Ворон сидел мрачней тучи. Но молчал. Против него сейчас повернули его же оружие – и сделать ничего было нельзя...

Повторное голосование, отменившие результаты первого, тоже оказалось почти единодушным. При одном воздержавшемся – поднять руку в защиту церкви Ворон так и не смог себя заставить...

Когда расходились – Ворон нехорошо посмотрел на «Царя». Губы скривились, словно хотел что-то сказать... Но не сказал, ушел молча.

* * *

Спустя неделю Федор Павлович Кравцов по прозвищу «Царь», отобедав, пожаловался на легкие рези в животе... А спустя полчаса уже катался в корчах по избе, не в силах сдерживать дикие крики. Проверенные народные способы не помогали, а везти больного в больницу за четырнадцать верст в таком состоянии оказалось невозможно...

Да и не похожа была болезнь «Царя» на обычное отравление. Лицо, руки, да и все тело на глазах опухали, чернели... «Порчу сильную навели, не иначе...» – шепнула бабка-травница Аверьяна жене Федора.

Вечером больной умер в страшных муках. Тело какое-то время продолжало распухать и после смерти... А потом случилось странное и небывалое. На следующий день труп *исчез* из горницы, где лежал в ожидании похорон. Был – и не стало.

По Спасовке поползли самые фантастичные слухи.

Семья после Федора осталась большая, детей у него четырнадцать душ народилось – девятеро выросли, возмужали. Делить невеликое отцовское хозяйство не стали – все осталось старшему, остальные разъехались кто куда...

Елена, младшая из дочерей, вскоре после смерти отца подалась в Питер, пристроилась у родственников, нашла работу на фабрике. И много лет не приезжала в Спасовку. Никто из односельчан не знал, что уехала она *в тягости* – будучи на третьем месяце от Жоры Ворона, единственного сына Володьки...

Замуж Елена Кравцова так и не вышла. Растила сына одна. Под своей фамилией.

Глава 4

14 июня, суббота, вечер, ночь

1

Алекс начал действовать спустя час после того, как на дежурство заступил круглолицый улыбчивый Гриша. Возможно, стоило выждать еще, бдительность сильнее всего притупляется к концу смены, – но Алекс слишком уж истомился ожиданием.

Женщина в белом халате, регулярно навещающаяся, в палате побывала недавно. Вновь придет не скоро. Из парочки, обосновавшейся в коридоре, на посту лишь один, второй сладко дремлет в ординаторской, – Алекс знал об этом от голоса.

Пора!

– Пустырь... – произнес Алекс тихо-тихо, но вполне членораздельно.

– «Волга»... – добавил он еще тише, когда Гриша поспешил к нему, на ходу доставая из кармана диктофон.

Сделал паузу и сказал вовсе уж неслышно:

– Человек...

Нехитрый психологический расчет оправдался полностью. На качество записи поднесенного к забинтованной голове диктофона, это, понятное дело, никакого влияния оказать не могло – но паренек нагнулся-таки поближе, пытаясь расслышать...

Эвханах! – выкрикнул Алекс про себя, беззвучно, – забывать о сидящем в коридоре не стоило. Безвольно вытянувшаяся вдоль простыни рука метнулась вперед со скоростью атакующей кобры.

Удар оказался простой, незамысловатый, часто используемый в дворовых драках без правил: двумя растопыренными пальцами в глаза. Но нанес его Алекс с небывалой, чудовищной силой – чуть промахнись, и дело кончится сломанными пальцами.

Он не промахнулся. Почувствовал, как раздались, лопнули глазные яблоки, как пальцы на долю мгновения уперлись во что-то более твердое, но тоже не выдержавшее удара, как проникли еще дальше – в упругое, неподатливое. Проникли до конца, до упора, словно бы удлинившись чудесным образом...

Странно, но в момент этого *проникновения* Алекс почувствовал сильнейшее возбуждение.

Мертвец, не знающий, что уже мертв, нелепо задержал конечностями. Мертвец пытался издать какие-то звуки, – но пальцы Алекса, измазанные в крови и в чем-то еще мерзко-липком, цепко сдавили ему глотку.

Конвульсии стихли. Еще через минуту рокировка двух обитателей палаты завершилась окончательно: живой, ставший мертвым, недвижно вытянулся на койке (так Алекс именовал реанимационный стол) и был прикрыт простыней. А воскресший полутруп натянул на голое тело снятый с мертвеца халат, подошел к двери, неслышно ступая босыми ногами. Приоткрыл, затаился сбоку, позвал громким шепотом:

– Димон!

Больше он ничего не добавил. По шепоту опознать голос трудно, но все же рисковать не стоит.

Сработает? Нет?

Если Димон что-то заподозрит, если насторожится... Достать в коридоре вооруженного и имеющего пространство для маневра противника будет куда труднее...

Алекс замер, стиснув в пальцах первое подвернувшееся орудие: длинную толстенную иглу. Недавно она впивалась в вену «больного», но была извлечена и отломана от гибкой прозрачной трубочки.

Сработало!

Глупый Димон без сомнений и колебаний заглотил насадку!

– Ну что там? – спросил, просовывая голову в палату.

Более удобную для атаки позицию трудно было придумать. Ухо Димона оказалось рядом. Алекс – каким-то обострившимся, изоощренным зрением – за короткие доли секунды хорошо рассмотрел неопрятную, словно пожеванную ушную раковину, и ведущее вглубь отверстие, поросшее короткими волосками... И воткнул иглу – именно туда, в эту волосатенькую пещерку, – воткнул глубоко-глубоко, по самую венчавшую тупой конец орудия пластиковую пимпочку.

Тут же обрушился на дверь плечом и всем телом – сжать в деревянных тисках глотку, на корню оборвать рождающийся крик.

Удалось лишь отчасти. Шейные позвонки захрустели между дверью и косяком, но полностью звукоряд отключить не удалось. Димон выдал-таки долгий булькающий не то хрип, не то стон, – и достаточно громкий. В затихшей ночной больнице он вообще показался оглушительным, прокатившимся по всем пустынно-гулким коридорам.

Алекс прислушался, не переставая изо всех сил налегать на дверь... Вроде обошлось – нигде не захлопали двери, не затопали шаги, не зазвучали встревоженные голоса. Все правильно – больница на то и больница, чтобы люди здесь стонали и хрипели... И – умирали.

Димон умирать не хотел – дергался, скреб ногами по полу куда дольше своего напарника. Наконец затих.

Алекс оттащил его в дальний конец палаты, чтоб не бросался в глаза от входа. Опустил на пол между стеной и «койкой», стал ощупывать карманы – сейчас шуметь ни к чему, но позже пушка может пригодиться...

И тут ему не повезло. Впервые – но сразу по-крупному.

Дверь еле слышно скрипнула. Алекс выпрямился, поднял голову – и встретился глазами с женщиной в белом халате, застывшей соляным столбом у входа. Двигались у нее лишь губы – широко распахнулись, готовые испустить громкий-громкий крик.

2

Темнее всего под фонарем – правило давно известное. Но кто бы мог подумать, что беглый псих Зарицын оборудует себе берлогу рядом с Ульяновкой, в двух шагах от областной психушки? Да еще в Саблинских пещерах?

Представить такое было трудно. Психология беглецов-дилетантов хорошо известна: убежать как можно дальше от места, где тебя ищут и ловят. Забиться в глушь, в безлюдье... Глупцы. В местах безлюдных любой вновь прибывший мгновенно обращает на себя внимание ищущих. Да и выбирают дилетанты всегда знакомые глухие уголки, где уже доводилось бывать раньше... И вскоре попадают.

Короче говоря, большинство профессиональных охотников на людей не стало бы задумываться о возможности пребывания Зарицына в Саблинских пещерах.

Чагин, однако, задумался – сразу же, как узнал о лежке, оборудованной в рукотворной пещерке на Поповке. Но по зрелому размышлению отверг версию.

Любые достаточно глубокие и протяженные пещеры представляют из себя гигантский термостат. Температура что зимой, что летом почти одна и та же – около плюс четырех градусов. Как недолгое укрытие вполне сгодится, но торчать в таком холодильнике постоянно? Тут

ни костерком, ни печкой не спасешься – быстро выгорит необходимый для дыхания кислород. Дизель-генератор отпадает по тем же причинам.

В общем, вариант с пещерами седоголовый отложил в сторону. Хотя не исключал, что убежище Сашка может обнаружиться поблизости от станции Саблино и поселка Ульяновка. Именно это направление поиска отрабатывала в Тосненском районе группа из трех человек. Отрабатывала – и вышла-таки на след!

Человек, по всем приметам совпадавший с объектом поисков, покупал продукты в поселковом магазине. Покупал вечером – и буквально минут за тридцать-сорок до того, как в торговую точку пожаловали двое ищущих. Повезло.

По словам продавщицы, Сашок (если это действительно был он) пребывал отнюдь не в лучшей своей форме. Ходил тяжело, прихрамывая, опираясь на толстую, чуть изогнутую сучковатую палку. Дважды за недолгое время, проведенное в магазине, заходился приступом нехорошего кашля. Левый глаз закрывала марлевая повязка.

На том цепочка счастливых (для охотников) случайностей не закончилась. Один из бойцов, зашедших в магазин, прихватил с собой в командировку собаку, немецкую овчарку, – без приказа начальства, по собственной инициативе. Не с кем было оставить в городе...

Позже, естественно, парень уверил себя, что взял собаку на задание не случайно, – но вследствие своей глубочайшей предусмотрительности.

Сашок Зарицын, напротив, предусмотрительности не проявил. Более того, допустил грубую ошибку. Прокашлявшись во второй раз, швырнул в мусорный контейнер не то салфетку, не то одноразовый платок, – продавщица не разглядела толком, что он прижимал к губам.

Шанс выпал редкостный.

Воздавая хвалу наблюдательной и памятной тетке, оперативники тут же распотрошили пресловутый контейнер, благо мусора оказалось на доннышке – и нашли искомый предмет. Похоже, дела у Сашка действительно были плохи, – на одноразовом платке обнаружился ступок слизи с кровавыми вкраплениями.

Трехлетнюю суку Лайму никто специально не готовил к трудам на служебно-розыскной ниве. Но кое-какие навыки в питомнике она получила... И взяла-таки след!

Бойцы устремились в погоню – на ходу вызвав третьего, находившегося неподалеку в автономном поиске. Начальство сразу не уведомили – оставался вариант ошибки и совпадения. Да и лаврами победителей делиться не хотелось...

Честно говоря, вероятность успеха была невелика. След мог оборваться на ближайшей автобусной остановке. Или объект мог применить любой из способов, ставших широко известными благодаря фильмам и книгам, – и позволяющих сбить с толку собаку или напрочь изгадить ей чутьё...

Однако все сложилось наилучшим образом. Объект шел по прямой, не петляя. Не делал попыток воспользоваться каким-либо транспортом. Не экспериментировал, посыпая дорожку отхода табачно-перцовой смесью... Пересек по автомобильному мосту реку Тосну, свернул направо и двинулся берегом, вверх по течению.

У старшего группы немедленно мелькнула мысль о пещерах – именно там, на берегу, находилось большинство входов в подземелья.

Власти, надо сказать, стремясь избежать несчастных случаев и упорядочить подземный туризм, регулярно перекрывали входы крепкими дверями. Запертыми, естественно. Но любители экстремального пещерного отдыха столь же регулярно сметали все преграды.

Однако преследуемый не направился к зияющим в обрывистом склоне провалам. След по-прежнему тянулся недалеко от уреза воды, по пологой части берега. И лишь примерно в трех километрах от моста поднялся по небольшой лощинке, промытой сбегавшими к Тосне вешними водами.

Но – поднялся не до конца. След нырнул в отверстие, идеально замаскированное двумя валунами и кустарником. Вечерело, лучи закатного солнца не попадали в лоцинку – но и при самом ярком освещении никто не обнаружил бы лаз без собаки...

Руководивший погоней боец имел представление о протяженности Саблинских пещер. Вернее сказать – катакомб, ибо многокилометровый запутанный лабиринт был рукотворным. Но прижилось именно название «Саблинские пещеры».

Однако, как это хитросплетение ни называй, соваться туда втроем не стоило. Даже вчетвером – считая собаку – не стоило. Без фонарей, без снаряжения... О том, на что способен их противник, старший группы тоже имел представление. На открытом месте особых опасений он не внушал – по внезапная атака в темноте, подсвечиваемой зажигалками...

Короче говоря, преследователи проявили здравомыслие – и связались с седоголовым.

Приказ того был короток: под землю не соваться, наблюдать за выходом. Помощь на подходе.

Чагин не терпел готовить операции на ходу, в спешке. Однако – пришлось. Его не оставляла мысль, что нельзя терять ни минуты, что все сложилось слишком уж легко и удачно, что не раз ускользавший противник сделает хитрый финт – вынырнет из другого подземного хода, в нескольких километрах. А они будут сторожить пустую нору или бессмысленно блуждать в запутанном лабиринте...

Все необходимые распоряжения он отдал из стремительно катящего в сторону Саблино джипа. Специальное спелеологическое снаряжение раздобыть и доставить к началу операции никак не успевали, придется обойтись фонарями да длинными веревками. После короткого раздумья Чагины приказал подвезти еще двух хорошо натасканных собак-ищеек – дилетантка Лайма потрудились сегодня достаточно.

В рождающейся экспромтом операции тем не менее задействовали почти все наличные силы. Разрозненные двойки и тройки стремительно выдвигались к известным удаленным выходам из пещер. Главные силы с трех сторон подтягивались к обнаруженному потайному отворку. Всё было сделано как надо, но иррациональное предчувствие провала не оставляло седоголового...

Предчувствие не обмануло.

Задуманный план дал трещину, когда по Московскому шоссе оставалось проехать меньше километра до поворота на Ульяновку.

Рация, постоянно настроенная на волну группы, стерегущей выход, коротко сообщила: – Кречет, Дрозд на связи. Лайма заволновалась. Похоже, объект выходит. Что делать?

Чагин задумался на секунду, не дольше. Но за эту секунду в голове успело промелькнуть многое... Логично и правильно отступить подальше, дать объекту выйти, и позволить направиться, куда он там собрался... А потом, после подхода главных сил, чисто и грамотно взять – когда дичь удалится подальше от норы. Но логика пасовала перед опасением: стоит противнику хоть чуть отойти, хоть немного оторваться от преследователей – исчезнет, растает бесплотным призраком...

И он скомандовал:

– Дрозд, здесь Кречет. Выйдет – брать. Немедленно.

Едва ли Дрозд ожидал такую директиву... Но обсуждать не стал. Через несколько секунд бросил в рацию торопливо, уже без позывных:

– Выходит, точно... Берем!

Черная коробочка замолчала, выдавая легкий шорох помех.

– Быстрее! – коротко и яростно бросил водителю Чагин. Тот и так гнал на пределе – но постарался выполнить приказ.

Седоголовый кусал губы, пытаясь расслышать сквозь помехи звуки схватки – связь Дрозд не отключил. Порой казалось – доносится что-то слабое, еле различимое...

Возьмут, успокаивал себя Чагин, непременно возьмут... Он уже ни на что не способен, едва на ногах держится... Сейчас, сейчас прозвучат ликующие слова доклада...

Секунды капали, сливаясь в минуты. Мимо мелькали дома Ульяновки. Доклада не было. Никакого.

Когда кавалькада джипов вылетела на мост через Тосну, обманывать себя уже не имело смысла. Они опять проиграли.

3

Женщина в белом халате застыла соляным столбом у входа. Двигались у нее лишь губы – широко распахнулись, готовые испустить громкий-громкий крик.

И в этот миг с Алексом произошло нечто странное. За последнее время его способность удивляться значительно притупилась, – но чуть позже, осознав произошедшее, он удивился...

Молчи! – крикнул он женщине. Крикнул, не разжимая губ, *мысленно*.

Молчи! Сама же видишь – я врач! Открой зенки пошире – натуральный врач! Зашел проверить больного, то-сё... Ты посмотри внимательно – на мне такой же белый халат, а что рожа замотана, так поцарапался...

Мысленные фразы показались не своими... Чужое и чуждое чувствовалось в тоне и в строении фраз. Да и не привык Первый Парень отдавать команды таким способом – предпочитал всегда слова, порой подкрепленные кулаками.

Удивительно, но женщина действительно не кричала. И не двигалась с места. Не то подчинилась беззвучным приказам Алекса, не то страх парализовал и мышцы, и голосовые связки.

Алексу хотелось броситься вперед, пересечь в три прыжка палату, вцепиться в глотку проклятой дуры... Но он сдержался. Приблизился к ней медленно, как удав к кролику, – не спугнуть, не дать стряхнуть оцепенение.

В последний момент, когда расстояние сократилось до пары шагов, Алекс не выдержал, – ускорился, резким движением выбросил вперед руку... И наваждение мгновенно рассыпалось. Взвизгнув, докторша бросилась из палаты.

Не успела. Алекс вцепился в плечо, рывком втащил обратно. Ткань халата затрещала, посыпались пуговицы. Притиснул к стене, пальцы другой руки – до сих пор испачканные кровью и чем-то мерзким – легли на горло. Шейка оказалась мягкая, *податливая*... Хотелось давануть изо всех сил и смотреть, как пальцы будут уходить в плоть, а глаза выкатываться наружу.

Он опять сдержался. Пусть поживет, раз уж пришла. Все равно он собирался с кем-нибудь вдумчиво побеседовать... Пусть поживет.

Алекс так и сказал, уже вслух, – слегка отодвинувшись, но не убрав пальцы с глотки:

– Не будешь орать – поживешь еще. Усекла?

Даже не кивнула – но, надо думать, усекла. Широко открытые глаза смотрели на Алекса. По лицу стекала растворенная в слезах косметика.

Он медленно разжал пальцы, готовый вцепиться снова при малейшей попытке крикнуть – и тогда уж давить до конца. До ее конца...

Не закричала.

– Вот и славно... Вот и молчи... Мне от тебя ничего не надо. Возьму своё – и уйду. А ты останешься. Живою. Усекла?

На сей раз врачиха собралась с силами и смогла утвердительно кивнуть... Врачиха? Алекс только теперь внимательно рассмотрел пленницу. Нет, никак не докторша... Медсестра или студентка-практикантка. Лет двадцать, не больше... Ишь, щечки как яблочки...

Алекс продолжил бесперомный осмотр, медленно опуская взгляд все ниже. Посмотреть нашлось на что – халат, ныне лишившийся всех пуговиц, деваха нацепила почти на голое тело: лифчик да трусики, ничего больше. Из-за тутошной жары, не иначе...

В реанимации действительно было жарковато. Не то забыли отключить на лето отопление, не то так и полагалось. Алекс, по крайней мере, в халате на голое тело озябшим себя не чувствовал.

Девушка, смущенная его пристальным взглядом, попыталась запахнуть халатик. Короткий угрожающий жест Алекса – и ее движение осталось незаконченным. Он поднес к ее лицу руку – ту самую, окровавленную. Медленно сжал пальцы в кулак.

Помогло лучше любых слов. Мочалка стояла – руки по швам. Всхлипывала – но беззвучно.

Алекс же вновь почувствовал возбуждение – за дни, проведенные в рабстве у голоса, он ни разу не испытал это чувство. Почувствовал и вспомнил – с тех пор как последняя подстилка сбежала в ночь, приласкав его пах коленом, бабы у него так и не было... Непорядок.

А мочалочка вполне в его вкусе, сдобненькая... Сиськи в чашечках лифчика не помещаются, выпирают сверху. И животик пухленький, с глубоким пупком, с двумя поперечными складочками, перина, да и только...

От немедленной постановки в позу девушку спасло неожиданное происшествие.

Далеко, в глубине больницы, зазвучали громкие, но ослабленные расстоянием голоса, еще какие-то звуки. Алекс мгновенно задвинул подальше неуместные желания. Что за ерунда в голову лезет? Смываться надо, а не мочалок канифолить! Того и гляди, еще кто припрется или напарник Димона продрыхнется, сменить придет...

Но для похода предстоит экипироваться... Он пошагал в дальний угол палаты – мочалку, цепко ухватив за запястье, потащил за собой.

Та-ак, что у нас тут... Столик какой-то, простышкой накрыт... А под ней? О-о, то что надо...

На столике поблескивали всяческие медицинские железки. Алекс первым делом схватился за скальпель, попробовал пальцем острие – подходяще! Многозначительно продемонстрировал орудие мочалке. Она стояла неподвижно, молча глотала слезы, – и, похоже, испугаться сильнее уже не была способна.

Алекс на секунду задумался: разбинтовать ли рожу? С марлевым шаром вместо головы он смахивает на мумию из того фильма... И даже издалека – если кто встретится в коридорах – под врача закосить не сможет.

С другой стороны, если оставить бинты – мочалка потом не опознает.

Тут в голове у него зазвучал голос – давненько себя не проявлявший. Разродился короткой фразой на незнакомом языке. Алекс тем не менее понял. В его вольном переводе фраза звучала так: «Можно и по-другому – чтобы не опознала».

Можно, можно... Но для начала нельзя, чтобы сбежала, пока он будет возиться с бинтами. Алекс, паскудно ухмыляясь, быстро-быстро покрутил скальпель между пальцами – трюк, хорошо освоенный на перочинных ножах. Скомандовал:

– Лицом к стене! Не шевелиться! Не оборачиваться!

Все выполнила... Молодец, понятливая... Та-ак, что тут еще... Ага, эти ножницы подойдут... Чик-чик справа, чик-чик слева, черт, к затылку присохло...

Голова освободилась от марлевого кокона. Теперь шпалер... Да и шмотьем стоит прибрахлиться... Не больно-то в жилу бегать, когда причиндалы по ляжкам шлепают...

Алекс, прежде чем отойти к другой стене, опасливо посмотрел на мочалку. Да нет, запугана на совесть, не дернется...

Пистолет у покойного Димона оказался небольшой, неизвестной Алексу системы. Но он сунул его в карман халата, уверенный: уж разберется как-нибудь, за что там дернуть и на что

потом нажать... Зато со шмотками облом получился. Этот засранец Димон – в прямом смысле засранец – успел перед смертью обделаться. С рубашкой трупа расстроенный Алекс не захотел возиться. Второй же мертвец заметно уступал Алексу габаритами...

Ладно, ловить тут больше нечего. Пора рвать когти... Мочалка покажет дорогу.

Не трата слов, он развернул девку лицом к себе.

– Где шмотье держат? Тех, кого в больницу привозят?

То ли мочалка не поняла, то ли у нее с перепугу горло перехватило... А может, не знала, – и боялась в том признаться.

В общем, промолчала.

Разводить антимионии было некогда. Алекс надавил ей на затылок, пригнув голову к груди. И пробороzdил кончиком скальпеля пухлый живот. Девка вскрикнула тонко, жалобно. Но в голос не заорала. Глубокая царапина набухла кровью. Алекс повторил свой вопрос – слово в слово.

Заговорила как миленькая...

Одежда Алекса, по словам мочалки, лежала в полуподвальном этаже, в запертой по ночному времени камере хранения. Ключи от камеры хранились у дежурной по корпусу, некоей Марьи Павловны.

– Веди, – скомандовал он. – К дежурной.

4

Старший группы, известный под позывным «Дрозд», – выглядел почти как живой. Почти – потому что у живых людей не так уж часто на груди обширные кровавые пятна и тянутся из угла рта опять же кровавые, начинающие подсыхать струйки. Но на фоне повреждений, полученных его коллегами, это смотрелось мелочами, недостойными внимания.

Второй групп, лежавший ближе всего к лазу в пещеру, лишился головы... Тоже «почти» – отрубленная часть тела болталась на коже и на остатках не до конца рассеченных мышц.

Третий боец, похоже, сначала потерял руку, – вместе с зажатым в ней пистолетом-пулеметом «Ингрэм». Судя по обнаруженным гильзам, несколько выстрелов он успел сделать... Потом его добились, дважды – крест-накрест – рубанув по животу. Добились неудачно – оставался жив дольше всех, бесцельно полз куда-то, оставляя на камнях кровь и выпадающие кишки. Уполз недалеко и умер.

Больше всех досталось овчарке Лайме. Сашок рубил и рубил ее тело, наверняка уже мертвое, неподвижное, – нанес несколько десятков ударов, превратив в кровавое месиво... Седоголовый заподозрил, что сука успела-таки запустить зубы во врага.

Панорама недавней бойни, выхваченная мощными лучами фонарей, как театральными прожекторами, не шокировала Чагина – навиделся всякого. Но нарастало давешнее чувство обреченности, неизбежности провала... Противник все чаще казался чем-то нематериальным: тенью на стене, отражением на воде... Стреляешь – но попадаешь в стену, хватаешь – но вода уходит между пальцев.

Факты, впрочем, свидетельствовали об обратном.

Призраки и тени следов не оставляют, по крайней мере доступных служебно-розыскным собакам.

Выходной след с места трагедии оказался ясным, четким, – но, увы, недолгим. Через сотню метров пес беспомощно заскулил на берегу, залаял на воду... Бедолага Лайма напомнила Сашку о существовании ищек, и он воспользовался самым древним и немудреным способом сбить их со следа.

Теоретически, при наличии потребного количества собак, стоило послать четыре группы: по обоим берегам, вверх и вниз по течению, – и поискать, где беглец вылез из воды. Но собак

было всего две... К тому же, судя по карте, поблизости в Тосну впадало немало ручьев-притоков – Сашок мог подняться вброд по течению любого из них. А мог и не подняться.

И вдоль реки двинулась лишь одна поисковая группа, по самому вероятному направлению: по этому берегу, вверх по течению. Но Чагин уже не верил в теорию вероятностей: вопреки ей, у противника монета постоянно ложилась орлом, а кубик шестеркой...

Второй пес работал по входному следу – ведомые им люди медленно пробирались сквозь лабиринт туннелей и залов. Если у Сашка здесь действительно берлога, приспособленная для длительного жилья, – уничтожить ее надлежит немедленно. Без надежного тыла воевать куда труднее.

Первыми успеха добились оперативники, двигавшиеся вдоль берега Тосны. След обнаружился! Впрочем, успех был относительный: объект вышел из реки, поднялся к шоссе в районе деревня Пустынька – и уехал. Вероятно, на попутке – автобусной остановки поблизости не оказалось.

Опять эфир наполнился короткими кодированными приказами – мобильные группы, только-только завершившие развертывание в районе отдаленных выходов из пещер, переориентировались на новую задачу: поиск и перехват любого удаляющегося от Пустыньки транспорта... Шансов на успех у них было немного.

Затем пришла весть из пещер: нашли берлогу! Седоголовый отправился туда.

– Неплохо устроился... – констатировал он после получаса ходьбы под землей.

Оценка апартаментов казалась несколько завышенной. Роскошью закуток площадью около десяти квадратных метров не блистал. Да и залезать сюда пришлось чуть ли не ползком – через узкий лаз, совершенно незаметный снаружи под нависшей глыбой...

Но все необходимое для жизни наличествовало. Мебель состояла из спартанского вида ложа (однако застеленного вполне цивильным бельем) да из бионужника на одно посадочное место. Ни шкафов, ни стола, ни стульев... Даже простенькая тумбочка отсутствовала. Свои запасы Сашок предпочитал хранить в плотных полотняных мешках защитного цвета. Оказалось их, запасов, не так уж много: небогатый гардероб, две смены постельного белья, еда – в основном консервы...

И – ничего свидетельствующего о том, что здешний обитатель практиковал на досуге хоть какие-то развлечения... Ни единой книжки, ни единого журнала с кроссвордами.

Чагин представил, как можно сидеть в каменной могиле три года, месяц за месяцем – не деля ничего, лишь любовно шлифуя планы мести... Представил – и ему стало не по себе.

Хотя, наверное, одно развлечение у Сашка таки имелось – точить до бритвенной остроты оружие и отрабатывать приемы владения им в соседнем, куда большем зале. Кстати, оружие...

– Оружие нашли? – спросил седоголовый.

– Нет, – доложил один из подчиненных. – Или все носит с собой, или прячет в другом месте. Здесь только ножик кухонный – вон, на плите лежит.

– Что за плита? – удивился Чагин. Он считал, что добровольно заключивший себя в эту темницу человек питался всухомятку, консервами.

Как тут же выяснилось, сооружение, условно названное оперативником «плитой», затаилось в дальнем, напоминающем альков закутке, куда не попадал свет многочисленных фонарей, – и потому избегла внимания седоголового.

«Плита» Чагина попросту изумила. Представляла она из себя внушительный каменный обломок, верхняя часть которого была грубо обтесана – так, что получилась приблизительно горизонтальная плоскость. С одной стороны на «плите» стояла скудная утварь, а с другой...

С другой в камень была врезана «конфорка» – именно она заставила на мгновение онеметь Чагина. Единственное, что приходило в голову при ее виде: Сашок выдолбил в камне желобок в виде правильного пятиугольника – и залил расплавленным металлом, свинцом или оловом. Причем залил непосредственно перед тем, как покинуть пещеру – от «конфорки»

ощутимо тянуло теплом. Чагин задумчиво послюнул палец, осторожно коснулся блестящего металла – и тут же отдернул руку. Раздалось еле слышное шипение...

Только сейчас он сообразил, что в камерке Сашка *тепло*. За полчаса ходьбы по лабиринту Чагин успел озябнуть – после жаркого летнего вечера. А здесь... Не Африка, конечно, но градусов двенадцать-пятнадцать, не меньше. Воздух нагревала «плита».

Чертовщина какая-то... Никакой скрытой проводки через каменный монолит к «конфорке» не подвести. В голове вертелись обрывки крайне неприятных мыслей о радиации, полураспаде, урановых стержнях...

– Дозиметр, – коротко полуспросил, полускомандовал седоголовый.

Его подчиненные отличались запасливостью. Дозиметр – пусть плохонький, почти бытовой – но нашелся. Однако – показал семнадцать миллирентген. Допустимый естественный фон.

Чагин принял решение:

– Минируйте. Таймеры – на шестьдесят минут. Все барахло – с собой, вплоть до нужника.

– Койка не пролезет, – усомнился кто-то.

– Разберите, – отрезал Чагин. – Как-то затащил – можно и вытащить. Железку из «плиты» выковырять и тоже с собой. Пусть яйцеголовые разбираются, что за алхимия...

Оперативники споро принялись выполнять указания. Но закончить дело, как планировалось, не смогли.

Боец, пытавшийся штык-ножом извлечь «конфорку», вскрикнул. Отшатнулся от «плиты». Остальные удивленно обернулись, лучи фонарей ворвались в альков.

С «плитой» творилось неладное. Каменный монолит раскалялся на глазах – превращался из сероватого в черный. Затем начал краснеть. Жар ощущался даже у противоположной стены берлоги.

– Что за чер... – начал Чагин и не закончил.

Монолит – уже ярко-алый – треснул с громким звуком, напоминающим выстрел. И тут же содрогнулись стены камерки. Сверху посыпалась пыль, кружась в лучах фонарей. Толчок повторился – более сильный. И еще один, и еще...

Окружающие пласты пришли в движение – с оглушительным, отдающимся во всем теле скрежетом.

– Уходим! – рявкнул Чагин. – По одному, без паники! Бросайте всё!

Насчет паники он добавил зря – народ тут собрался к ней непривычный... Быстро, без суеты, ныряли по очереди в лаз. Конвульсии камня продолжались, толчки становились сильнее. Последним покинул берлогу Чагин – успев-таки выставить два таймера на запланированное время.

Протискиваясь сквозь каменную щель, он подумал, что все бесполезно, что обвал замурует их – но в тюрьме большего размера.

Но дела оказались не так плохи. Землетрясение носило локальный характер – в полусотне шагов от берлоги Сашка толчки едва ощущались... Но внутри берлоги... Там, судя по звукам, начали рушиться своды.

Когда они выбрались из-под земли, на белесом небе тускло светили лишь самые яркие звезды... Седоголовый долго смотрел на них. Потом опустился на траву. Сил не осталось. Совершенно. Словно кончился завод у механической игрушки. Второй раз за сегодня Чагин подумал: вот она, старость... Подкралась, как снимающий часового диверсант, – и ножом по горлу...

Бойцы стояли вокруг, ждали распоряжений, команд... А он не мог НИЧЕГО. Вообще... Потом разлепил губы, спросил, с трудом выдавливая из себя каждый звук:

– Ч-т-о с «н-е-в-о-д-о-м»?

– Пусто...

Он никак не отреагировал...

Как ни странно, таймеры в обвале уцелели. И заряды, оставленные в пещере, сработали, – когда их понурая процессия зашагала к мосту. Земля едва заметно содрогнулась, из отверстия вырвался глухой протяжный гул...

Как салют погибшим, подумал Чагин, оглянувшись на скорбный груз – три длинных мешка из плотного черного пластика.

...О гибели бизнесмена Ермакова, своего нанимателя (впрочем, договор найма давно стал пустой формальностью), седоголовый узнал на обратной дороге.

«Слухач», постоянно интересующийся, о чем идут разговоры на волнах милиции и других спецслужб, – доложил новость шефу. Но так и не понял, услышал ли ее старик...

5

...Всё в дурацкой больнице оказалось не по-людски. Никаких тебе шкафов для шмотья – тряпки больных распиханы в пластиковые мешки для мусора, на каждом пришпилена бумажка с фамилией. С трудом Алекс отыскал свою – накарябанная куриным почерком, читалась она скорее как «Тряпников».

Торопливо вывалил одежду и кроссовки на пол, порылся, пошарил по карманам... Никто, ясное дело, постирать не озаботился, небольшие кровавые пятна засохли, побурели. Но главное было не это.

Кулон пропал!

Алекс перерыл все еще раз – нету!

Он надвинулся на мочалку. Наверное, лицо у Алекса стало страшным – девка отпрянула, вжалась в стену...

Алекс несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул, расслабил пальцы, до хруста в суставах стиснувшие скальпель. Спросил медленно, отчетливо:

– У меня была штучка. Золотая. На цепке. Вот такая... – Он нарисовал пальцем в воздухе небольшой пятиугольник.

Девка испуганно бормотала, что не брала, не брала, не брала, она вообще больных не принимает, не раздевает... Алекс шлепнул ее по щеке, несильно.

– ГДЕ???

Мочалка понесла полную ахинею: про сейф главврача и лежащие там ценные предметы больных...

Но Алекс к тому времени немного охолодел от шока потери. И сам сообразил, что к чему. Какой, на хрен, главврач? Всё куда проще...

Седой посланец голоса амулет не тронул, Алекс знал это. Иначе он сдох бы там, на пустыре, не дождавшись «скорой»... Значит, стырил золотую штучку белохалатник из экипажа приехавшей по вызову машины. Или – кто-то, дежуривший в приемном покое больницы. Алекс мысленно спросил у голоса – может, знает и подскажет? – но тот молчал. Он вообще в последнее время проявлялся крайне редко...

И что теперь? Идти в приемный покой? А если не та смена? Нет, начать надо со «скорой». Их работа. Кулон-то висел открыто, поверх рубашки, Алексу не нравилось его свойство неожиданно и быстро нагреваться...

Ну всё. Пора одеваться. И – спасибо вашему дому, пойдем к другому. В смысле, к станции «скорой помощи». Ах да, надо ведь что-то сделать с девкой...

Он бросил короткий взгляд на скальпель, затем – долгий, холодно-оценивающий – на мочалку. Она, похоже, поняла: губы затряслись, лицо, и без того не румяное, стало блее бумаги. Потом – Алекс удивился – сама распахнула халатик. Демонстративным, вызывающим жестом.

Вот даже как? Ну ладно... Попробайся...

Он шагнул к ней, положил ладонь на живот, теплый, пухлый – царапина уже запеклась, не кровоточила. Почувствовал, как напрялась мочалка. Его ладонь скользнула ниже, под резинку трусиков, неторопливо, осторожно. Расслабься, детка, расслабься, и покажи, на что способна. Так, как еще никому и никогда не показывала...

...Когда он уверенным движением перемахнул ограду больницы имени Семашко, уже рассветало. Мочалка осталась в запертой камере хранения. Осталась живая...

Обсаженный липами бульвар был пуст, ни единого человека, ни единой машины. Свежий утренний воздух ворвался в легкие пьянящим ароматным коктейлем, – особенно ароматным после больничной вони, которую Алекс уже и не замечал, притерпевшись. Жизнь была хороша... Один карман куртки оттягивал пистолет, в другом лежал скальпель с лезвием, аккуратно замотанным обрывком бинта. Так где тут у нас станция «скорой помощи»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.